

**Военные
Приключения**

НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

ВИКТОР НОСАТОВ

Военные приключения (Вече)

Виктор Носатов

Наперекор всему

«ВЕЧЕ»

2021

Носатов В. И.

Наперекор всему / В. И. Носатов — «ВЕЧЕ», 2021 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8559-6

Продолжает полыхать Первая мировая война. Союзники готовы на все, чтобы Россия сгорела в ее огне, но по-прежнему оттягивала на себя германские войска, в Москве и Петрограде плетутся многочисленные заговоры, резко активизировалась немецкая разведка. Но, несмотря ни на что, генерал Баташов и его коллеги-контрразведчики продолжают бороться с внешними и внутренними врагами империи, а рядовые солдаты и офицеры не щадят своих жизней в окопах.

ISBN 978-5-4484-8559-6

© Носатов В. И., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Глава I	6
1	6
2	12
Глава II	17
1	17
Глава III	21
1	21
2	29
Глава IV	37
1	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Иванович Носатов

Наперекор всему

Роман

Благородный превьше всего почитает долг.

*Благородный человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга,
может стать мятежником.*

*Низкий человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга,
может пуститься в разбой.*

Конфуций

* * *

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство „Вече“».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Носатов В. И., 2021

© ООО «Издательство „Вече“», 2021

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2021

Глава I

Северо-Западный фронт – Петроград

Март 1915 года

1

– Разрешите, ваше превосходительство? – срывающимся голосом обратился к начальнику контрразведки Северо-Западного фронта генералу Баташову среднего роста, круглолицый, с широкими затылками чиновник в партикулярной одежде. – Делопроизводитель разведочного отделения Федоров, – представился он, – имею честь сообщить вам срочно и конфиденциально...

– Отчего такая спешка? – удивленно спросил генерал, но заметив, что от волнения у чиновника садится голос и мелко дрожат руки, предложил: – Проходите, господин Федоров, садитесь, – и указал рукой на кресло.

Дождавшись, пока тот суетливо там устроится, Баташов, окинув взглядом мрачное, бледное от волнения лицо подчиненного, спросил:

– О чем вы хотели мне рассказать?

– Ваше превосходительство, – виновато пряча глаза, начал Федоров, – грех попутал!

– Говорите прямо, что с вами случилось? – в голосе генерала послышалось легкое раздражение. Сам, всегда четко и ясно выражая свои мысли, он и от подчиненных постоянно требовал твердости и ясности во всем. Будь то живой разговор или отчет, изложенный на бумаге. Но в данный момент его раздражали не бесцветные фразы, а нерешительность сотрудника.

– Я, вопреки инструкциями и советам начальника, попал в дурную компанию, – выпалил делопроизводитель.

– Выражайтесь яснее, – заглушая готовое выплеснуться раздражение, промолвил Баташов.

– Я, господин генерал, свел знакомство с одним подозрительным типом. Несколько раз мы встречались за бильярдным столом. Он довольно сносно катает шары... Однажды, будучи в выигрыше, он пригласил меня в пивную. Выпили, закусили, поболтали о тяжелой жизни в Варшаве и вскоре разошлись, как в море корабли. А второго дня я обыграл его на два шара и, помня о его щедрости, пригласил в ресторан. Выпили, закусили, а он и говорит мне: «Хочешь заработать много денег?» Ну, я, ничтоже сумняшеся, по пьяной лавочке, возьми да и согласишься. А он подливает мне крепкого винца да подливает. Вот тут-то я и сообразил, что дело нечисто. Насторожился, винище в цветочный горшок незаметно выплескиваю. Язык специально за зубы заплетаю, пьяного изображаю. Видя это, он и говорит: «У меня есть знакомый купец, который за хорошие деньги хочет заполучить патент на поставки овса в армию. Чтобы не прогадать, он хочет знать, сколько в округе кавалерии и артиллерии»... Ну, я притворился совсем пьяным и, ничего ему не ответив, поплелся домой...

– Опишите мне своего знакомого! – попросил Баташов.

Уловив в голосе своего начальника не осуждающе-презрительные, а всего лишь повелительные нотки, Федоров удивленно взглянул на него. Он был готов к самому суровому разному.

– Я все-все расскажу... – признательно заглядывая в глаза Баташову, сказал он и, немного подумав, продолжал: – Назвался он Яношем. Всегда опрятно одет, но не пан, скорее всего, приказчик или мелкий чиновник. Он выше среднего роста, худощавый, исключительно элегантный шатен с тонкими чертами лица, чуть коротковатым тонким носом, щетинистыми усиками,

умными, пронизывающими глазами и большим открытым лбом. Живой, даже порывистый в движениях. Хорошо разговаривает по-русски и по-польски, понимает немецкий...

– С чего вы взяли, что он по-немецки понимает?

– Однажды он играл в бильярд с немцем и перекидывался с ним отдельными фразами.

Немец, конечно, проиграл. И довольно изрядную сумму.

– И часто он с немцами играл?

– Я видел два или три раза.

– Вспомните поточнее...

– Я по вечерам, после работы, обычно захожу в бильярдную. Играю нечасто, больше люблю посмотреть, как играют мастера... Да, точно, я видел их игру трижды. В начале прошлого месяца, в середине нынешнего, и вот третьего дня.

– И немцев ваш Янош, конечно же, постоянно обыгрывал?

– Да! А откуда вы об этом знаете?

– Вы еще не поняли, почему я задавал вам все эти вопросы? – вопросом на вопрос ответил Баташов, благожелательно поглядывая на явно сконфуженного чиновника.

– Вы хотите сказать, что этот тип, возможно, работает на германскую разведку? – после небольшой паузы, воскликнул Федоров.

– Ну, наконец-то до вас дошло...

– Неужели немцы на глазах у всех так с ним расплачивались?

– Истинно так!

– Значит, мне настало время писать рапорт об отставке? – удрученно промолвил Федоров.

– Ни в коем случае! – уверенно воскликнул Баташов, вселив в душе делопроизводителя надежду. – Скажу больше, – доверительно продолжал генерал, – недавно я имел беседу с начальником Варшавского охранного отделения. Так вот он и рассказал мне о подозрительном типе, постоянно крутящимся в заведениях, расположенных вокруг штабов, расквартированных в Варшаве. Он очень похож на того самого Яноша, которого вы мне описали...

– Он не Янош, а двуликий Янус! – воскликнул Федоров. – Увижу еще раз, всю морду ему разобью!

– А вот этого не надо! – строго сказал Баташов и, подойдя к окну, о чем-то ненадолго задумался. – Я думаю, вам надо продолжить знакомство с Яношем, – неожиданно промолвил он, возвращаясь к столу.

– Ка-ак?... – чуть не задохнулся Федоров от ненависти к человеку, чуть было не поломавшему его карьеру.

– Так, чтобы он не заподозрил, что вы его раскрыли.

– А если он потребует разглашения конфиденциальной информации?

– Соглашайтесь. Мы подготовим все необходимые документы. А чтобы он больше вам доверял, возьмите в штабе резервного корпуса позапрошлогдную сводку интендантского управления по фуражу и выдайте ее за прошлогдную...

– Я все понял, ваше превосходительство! Буду поставлять этому типу дезинформацию. И это все? – разочарованно промолвил Федоров.

– Пока все. А там видно будет... – неопределенно ответил Баташов, окончательно решив поставить в известность о случившемся лишь начальника контршпионского отдела армии полковника Залыгу и шефа Варшавского губернского жандармского управления полковника Стравинского. Ему пришла в голову смелая мысль: в полной мере воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами и провести совместную контрразведывательную операцию.

«Ведь можно не только поставлять противнику дезинформацию, но и совместно с жандармами пресечь деятельность германской агентурной сети, промышляющей в Варшаве», – удовлетворенно подумал он.

– Я прошу вас, господин Федоров, никому не говорить о полученном от меня задании. Все должно быть в тайне.

– Даже коллегам по отделу?

– Даже им. Обо всех контактах с Яношем доносить мне лично! – еще раз строго напомнил Баташов.

– Все ясно, ваше превосходительство! – по-военному четко ответил Федоров. – Разрешите идти?

– С Богом!

Сообщив полковнику Залыге о задаче, которую он поставил Федорову, Баташов принялся за прерванную работу. Перелопатив все дела, генерал отложил три наиболее перспективные для разработки дела и, передав их Залыге, порекомендовал не откладывать эти папки в долгий ящик.

– Если позволите, то делом Федорова, я бы хотел заняться сам, – сказал Баташов перед отъездом. – Только, пожалуйста, не думайте, что это от недоверия к вам. Действия вашего отдела при ликвидации немецкого резидента выше всякой похвалы. И не ваша вина в том, что не смогли его взять живым. Главную задачу вы выполнили. В течение нескольких месяцев германская агентурная разведка в полосе ответственности 2-й армии была попросту парализована. И новые данные об активизации действий противника в нашем тылу лишь подтверждают мою версию о том, что в Варшаве начал действовать еще один матерый немецкий шпион. И что-то мне подсказывает, что именно Федоров выведет меня на этого вражину или его окружение.

– Я буду несказанно рад поучиться у вас, Евгений Евграфович, – искренне воскликнул полковник Залыга, – тем более, что вы, как я слышал, изволили заступиться за меня, после неудачно окончившейся операции, в результате чего, я вместо нагоняя, неожиданно получил повышение в чине.

– Ну, положим, звание полковника вы заслужили более, чем многие другие из штабных, – удовлетворенно промолвил Баташов, – я лишь только кое-кому напомнил об этом. И запомните, полковник, что в нашем деле главное – доложить первым... А что касается дела Федорова, то вы направляйте его деятельность, а я, при необходимости, буду периодически наезжать к вам и осуществлять общее руководство.

Закончив свою работу в штабе 2-й армии, генерал Баташов, наказав полковнику Залыге держать его в курсе по делу «Януса» – так он назвал новое дело о германском шпионаже, – в этот же день выехал обратно в Седлец, в штаб фронта. По уже давно заведенной привычке, он не стал сразу же докладывать генерал-квартирмейстеру Бонч-Бруевичу о новом деле (обычно он ставил руководство в известность лишь после получения каких-то реальных результатов). После доклада полковника Залыги о первых, довольно успешных шагах Федорова, Баташов, решил навеститься в Варшаву, чтобы там из первых уст услышать все обстоятельства по делу «Януса».

Бывая по делам службы в Варшаве, Баташов, если, конечно, позволяло время, любил побродить по широким и шумным улицам, где с раннего утра бурлила городская многоголосая жизнь. Открывались новомодные магазины одежды, в которых товары, прибывшие оказией из Одессы или Лодзи, молодые и шустрые приказчики представляли, как последний писк Парижской моды. Милые паненки-цветочницы наперебой предлагали колючие, разноцветные розы и свежие тюльпаны. Булочные, распространяя кругом аппетитный дух, влекли прохожих к свежим булкам, птифурами и пирожным. Весь этот многоязычный говор европейского города не резал уха русского человека, привычного к славянской речи. Чтобы понять поляка или еврея, ему не нужен был переводчик, потому что все варшавяне говорили, частенько перемежая речь русскими словами...

Но в то весеннее утро ничто, даже залитая ярким светом Саксонская площадь, над которой золотом горели в солнечных лучах купола грандиозного православного собора Александра

Невского, через позолоченные, массивные ворота которого к утренней службе устремлялась пестрая толпа прихожан, не радовало беспокойную душу генерала. Все, казалось, было как обычно, но с самого утра его не покидала навязчивая мысль о том, что случилось что-то непредвиденное. Такое состояние у него бывало иногда перед провалами агентуры или перед незапланированными и срочными вызовами в Генштаб... Чтобы отвести от себя это внезапное чувство, Баташов зашел в собор и, затеплив свечку перед образом святого Александра Невского, мысленно помолился святому воителю и освободителю земли Русской. После молитвы на душе стало легче, и он уверенной походкой направился в небольшой особняк, где размещалось разведочное отделение 2-й армии. Несмотря на раннее утро, у крыльца штаба генерала встретил сам начальник отделения полковник Залыга.

– Работаем по утвержденному вами плану, – доложил он после обмена рукопожатиями. – Негласная проверка секретносителей в штабе резервного корпуса ничего существенного не принесла. С завтрашнего дня переключаемся на Варшавский телеграф. Более подробно о результатах проверки военнослужащих резервного корпуса сообщу письменно.

– Хорошо, Петр Федорович, – удовлетворенно промолвил Баташов, – поторопитесь, мне кажется, что после ликвидации нами германского резидента в преддверии весенней кампании немцы забросили в Варшаву своего очередного агента, вполне возможно, даже – целую группу. И наша с вами задача во что бы то ни стало выявить шпионов и обезвредить. Это особенно важно перед началом новых боев. Об этом подробнее поговорим позже, а пока я бы хотел встретиться с Федоровым.

Несмотря на мучившие Баташова нехорошие предчувствия, он не нашел в рассказе Федорова, который подробно рассказал о своих новых контактах с Яношем и о стремлении агента наведаться к нему домой, каких-то причин беспокоиться. После того как Федоров изложил все сказанное на бумаге, генерал отпустил его. Прикрыв плотно дверь, он подошел к окну, выходящему на Саксонскую площадь и, наблюдая за тем, как спешат по своим делам прохожие, мчатся «ваньки», кричат заполосные газетчики, думал над тем, как выявить и обезвредить врага, окопавшегося во фронтовом тылу...

– Ваше превосходительство, – прервал размышления Баташова дежурный офицер, – вас просит к телефону жандармский полковник Стравинский.

«Легок на помине», – подумал Баташов, искренне обрадовавшись тому, что с этим внезапным звонком вновь завертелась жизненная карусель, не оставляя времени для грустных мыслей.

В кабинете полковника Залыги, который предоставил свой кабинет в полное его распоряжение, было довольно пусто. В просторной комнате с окнами, выходящими во двор, было сумрачно и неуютно. У окна стоял двухтумбовый стол в окружении трех резных дубовых стульев с прямыми спинками. На стене висела карта Царства Польского с обозначенной на ней линии фронта.

Баташов присел на краешек стула и нетерпеливо поднес к уху трубку телефона.

– Здравствуйте, уважаемый Апполинарий Эрастович! Я очень рад вас слышать!

– Здравствуйте, Евгений Евграфович! У меня к вам конфиденциальный разговор. Если вы не возражаете, то мы можем встретиться на моей конспиративной квартире.

– Я не возражаю.

– Тогда я высылаю за вами авто. Через полчаса машина будет у подъезда.

Конспиративная квартира начальника Варшавского жандармского управления полковника Стравинского была обставлена со вкусом. Это Баташов отметил сразу же, как только вошел в просторную, светлую комнату, расположенную на первом этаже трехэтажного доходного дома. Светло-бежевые обои и серебристого цвета гардины, прекрасно дополняли интерьер гостиной, с ее уютными диванами и креслами. Казалось, что здесь просто невозможно

было хоть что-то утаить, потому что обильный свет, струящийся из окон и хрустальной люстры, словно рентген высвечивал не только каждую складку на одежде, но и, возможно, самую потаенную мысль.

К откровенности располагал и сам хозяин квартиры, жандармский полковник Стравинский.

– Евгений Евграфович, дорогой! – воскликнул он, легкими шажками выплывая навстречу гостю. – Узнав, что вы в Варшаве, я хотел непременно с вами поговорить о важном деле. И, скажу откровенно, искренне рад приветствовать вас в этой скромно обставленной комнатухе. Прошу к столу. Не побрезгуйте моим гостеприимством, тем более что мы с вами теперь, как и прежде, к одной телеге пристегнуты...

– Я согласен, телега у нас одна, да только кони разные. Боюсь, что на поворотах заносить будет! – улыбнулся Баташов, присаживаясь за стол, обильно уставленный самыми разнообразными закусками.

– Кого? Вас или меня?

– Время покажет.

– Время покажет, – согласился полковник и, достав из серебряного ведерка запотевшую бутылку шампанского, ловко и непринужденно запустил пробку в потолок.

– За ведомственное содружество! – провозгласил тост хозяин, наполнив хрустальные бокалы.

– За наше содружество! – уточнил Баташов.

Отпив несколько глотков пенящейся ароматной влаги, генерал поставил бокал на стол. – У вас ко мне дело? – деловито спросил он.

– Никак нет! – по-армейски четко ответил жандарм. – Я решил просто поговорить с вами во неслужебной уютной обстановке.

– Вам это прекрасно удалось. За что примите мою искреннюю благодарность, – улыбнулся Баташов, вставая из-за стола.

– Вы что уже собираетесь уходить? – недоуменно посмотрел на гостя Стравинский.

– Нет, уважаемый Иван Спиридонович. Если у вас нет ко мне дела, то у меня есть! Как говорят на Востоке: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Я намеревался встретиться с вами еще до вашего звонка.

Лицо жандармского полковника приняло удивленное выражение.

– Чем же я вам могу служить-с? – деловым тоном спросил он.

Баташов подробно рассказал жандарму о случае с Федоровым.

– Да-а! – озадаченно промолвил тот. – Случай, можно сказать, исключительный и довольно многообещающий. Что же вы намерены предпринять?

– Я планирую взять агента в разработку, чтобы выявить все его связи, а главное – выйти на резидента! Только без вашей помощи мне никак не обойтись. Ведь за этим Яношем надо организовать постоянное наблюдение. А у меня пока что для этого дела специально подготовленных людей нет.

Стравинский молча вынул из кармана золотой портсигар с императорским вензелем на крышке. Достав папиросу, он прикурил ее от зажигалки в виде маленького дамского браунинга и не торопясь затянулся.

– Мы должны, просто обязаны помогать друг другу! – воскликнул жандармский полковник. – Как только ваш сотрудник покажет мне своего знакомого, я распоряжусь, чтобы мои люди установили за ним постоянное наблюдение. О результатах слежки буду информировать вас лично. Кстати, вы уже придумали кличку подозреваемому?

– Да, у нас он проходит под именем «Янус»... – промолвил Баташов. – Сегодня мы с вами должны решить еще один вопрос. Янус уже неоднократно напрашивался к Федорову в гости, и очередной отказ может просто насторожить агента.

– Вы правы! – согласился Стравинский. – В таком случае я дам вам адрес конспиративной квартиры, хозяйкой которой является мой верный человек и прелестная женщина Алевтина Прохорова. Можно представить ее Янусу как «кузину» Федотова. Она примет гостя как следует и в дальнейшем будет вашему сотруднику надежной помощницей.

– Вот это здорово! – искренне воскликнул Баташов.

– Ну что вы, – глядя на Генерального штаба полковника, промолвил жандарм, – мы еще и не такое можем!

2

– Алевтина Игнатьевна, – представил Янусу свою «кузину» Федоров.

– Мадмуазель! – воскликнул поляк. – Вы рождены, чтобы кружить мужчинам головы! Я просто сражен вашей красотой и обаянием...

– Фи, – сморщила губки жеманная красавица, – я не мадмуазель, а мадам!

– О, простите меня, простите! Я был так ослеплен вашей красотой, что этой небольшой разницы просто не заметил, – расшаркался гость.

Алевтина Игнатьевна, в знак благодарности за шикарный комплимент, протянула для поцелуя руку.

– О, мадам! – льстиво поцеловав надушенные дешевыми духами пальцы, воскликнул Янус. – Я так счастлив, что у моего друга такая прелестная сестра! Искренне рад, что Степан познакомил меня с вами, и готов его за это облобызывать.

– Что вы, что вы! – запротестовал Федоров, увидев, что гость, расставив в стороны руки, направляется к нему с явным намерением исполнить сказанное.

Не обращая внимания на протест, Янош облапил своего нового друга и трижды чмокнул его в щеки.

– Я, в свою очередь, благодарна Степану, что он познакомил меня с таким галантным и учтивым мужчиной, – не осталась в долгу женщина.

Моложавая, веселая, интересная и хлебосольная хозяйка произвела на Януса самое яркое впечатление. А он, возбужденный ее женским обаянием и крепким вином, в изобилии выставленном на богато сервированном столе, весь вечер рассыпался в комплиментах. Перед уходом просил позволения чаще бывать в ее обществе.

– Я давно не встречала такого воспитанного ухажера, который прекрасно скрасил мое одиночество, – сказала на прощание Алевтина, – и прошу не забывать свою новую знакомую...

Уже через неделю умелыми разговорами и мастерской игрой Прохорова внушила Янусу доверие к себе настолько, что он подарил ей золотые часы и браслет. Правда, за это он попросил ее с помощью «брата» добыть бумагу о дислокации войск якобы для того, чтобы его хозяин, купец первой гильдии, мог рассчитать объемы поставок для армии продовольствия и фуража. Из благодарности за богатый подарок женщина обещала поговорить с братом...

Операция «Янус» разрасталась и ширилась. Однажды, будучи в Варшаве, Баташов просматривал дела подозреваемых в шпионаже людей, проживающих в Лодзи и окрестностях, когда раздался условный стук и в кабинет ввалился бледный от волнения Федоров.

– Да на вас просто лица нет. Случилось что? – спросил встревоженно и удивленно генерал.

– Все пропало, все пропало! – воскликнул Федоров, без разрешения плюхнувшись в кресло.

– Что пропало? – начал волноваться Баташов.

– Янус поставил передо мной невыполнимую задачу! – выпалил тот.

– Успокойтесь! Говорите, что конкретно нужно вашему знакомому, – уже спокойно и деловито промолвил Баташов.

– Он требует приказ командующего Северо-Западным фронтом № 004 по расквартированию армий.

Баташов, призадумавшись, вдруг вспомнил, что этот приказ касался дислокации войск фронта на начало года и незадолго до этого был отменен. Согласно новой директиве Ставки произошла замена передовых корпусов Северо-Западного фронта на резервные, которые и по численности, и по вооружению сильно отличались от потрепанных боями частей и соединений.

«Так что настоящий приказ № 004 будет неплохой дезинформацией фронтового масштаба», – удовлетворенно подумал он.

– Раз надо, то мы непременно удовлетворим эту его просьбу! – неожиданно для чиновника сказал Баташов. – Я думаю, что этот шаг укрепит доверие Януса к вам и к вашей «кузине».

– Но это же секретный приказ... – удивленно промолвил Федоров.

– К вашему сведению, этот приказ недавно отменен! Военские части уже должны пере-дислоцироваться согласно новому распоряжению, ну, может быть, за исключением нескольких тыловых и хозяйственных подразделений. Но и те через неделю должны убыть к новому месту службы. Поэтому вам необходимо как можно дольше оттянуть передачу этого документа. Главное здесь – не переиграть!

Получив копию долгожданного приказа, Янус в знак благодарности закидал Прохорову подарками. Однажды он пришел к ней с огромными коробками, перевязанными разноцветными лентами. Сложив подарки на столе, гость облобызал хозяйке руку и, заметив на лице женщины удивление и искреннее любопытство, радостно возвестил:

– Мадам Алевтина, ко мне из Кракова приехали два знакомых коммивояжера. Очень приличные люди. Я их пригласил в ресторан. Но знаете, без красивой женщины мужское застолье превращается в пьянку. И поэтому я был бы рад, если бы именно вы составили нам компанию...

– Удобно ли это? – сконфузилась хозяйка. – Ведь я незнакома с вашими друзьями. Да у меня и нет вечернего туалета.

– Я думаю вам придется в пору это платье и шляпка, – гость указал на коробки, сваленные на столе.

– Ах, боже мой!.. – всплеснула радостно руками Алевтина Игнатьевна. – А вы душка! – воскликнула она и, чмокнув галантного кавалера в щеку, принялась за коробки. Поставив их одну на другую, рдеющая от удовольствия предстоящей примерки женщина унесла их в спальню, откуда до гостя донеслись ее восторженные возгласы.

Через полчаса перед глазами кавалера предстала настоящая красотка в приличном вечернем туалете и модной шляпке, ловко сидящей на ее взбитых в высокой прическе льняных волосах.

– Королева! – только и смог промолвить насмерть сраженный красотой хозяйки Янош.

На удивление Алевтины, извозчик остановился у одного из лучших в Варшаве ресторанов «Polonia Palace». Галантный кавалер, сунув рубль дородному швейцару, под руку с красавицей гордо прошествовал в роскошный зал.

– Это господа Вацлав и Тадеуш, – поочередно представил он своих знакомых, которые уже сидели за богато накрытым столом.

Мужчины галантно щелкнули каблуками и по очереди поцеловали у мадам ручку.

– Вы никогда раньше не знакомили нас с вашей прелестницей, – обратился к Яношу Тадеуш, как только все устроились за столом.

– Наверное, он боится, что мы ее у него отобьем! – наигранно улыбнулся Вацлав.

– О-о, господа! – воскликнул радостно Янош. – Особо не обольщайтесь: мадам Алевтине нравлюсь только я.

За светскими разговорами и шутками незаметно протекало время. Пожирая восторженным взглядом в меру остроумную и обаятельную даму, коммивояжеры напрочь забыли об осторожности.

Во время танца Алевтине удалось незаметно вытащить из кармана Тадеуша бумагу, которая оказалась зашифрованным письмом...

Обо всем этом Баташову поведал Стравинский во время их очередной встречи.

– При расшифровке письма выяснилось, что текст содержал вопросы военного характера, поставленные шпионам германским Генеральным штабом, – сказал в заключение жандармский полковник.

– А что представляет собой сам Янус? – спросил Баташов. – Я думаю, о нем у вас уже достаточно информации.

– О да! Мои агенты выяснили, что Янус проживает вместе с отцом и сестрой, причем его настоящая фамилия – Мюллер. И что характерно, старик Мюллер оказался так же, как и сын, очень общительным человеком. В кругу его знакомых исключительно офицеры, среди которых есть лица, занимающие высокое служебное положение. Негласное наблюдение установило, что все эти военные были лютеранами, а встречи с Мюллером маскировались сбором денежных пожертвований на расширение лютеранской церковной школы, в которой тот был казначеем. Во время этих встреч он, как правило, представлялся российским патриотом, старался перевести разговор на состояние современной российской армии и, как показывают мои люди, иногда получал ценную информацию по самым разным военным вопросам...

– Неужели шпионажем занимается вся эта семейка?

– Еще бы! Недавно сестра Януса, некая Матильда, выехала в Санкт-Петербург. Я связался со своим петербургским коллегой и попросил проследить за ней. Так вот, женщина вывела нас на отставного военного, который служит в мобилизационном отделе железной дороги и имеет связи с таким же отделом Министерства путей сообщения. Вокруг этого довольно общительного субъекта группируются самые разные люди, в том числе чиновники и военные из военного ведомства. Негласное наблюдение за ними вызывало у моих коллег серьезные опасения в том, что ничего не подозревающие в большинстве своем честные российские офицеры бессознательно для себя могли быть излишне откровенными и выболтать кое-какие секреты. Именно поэтому надо как можно скорее ликвидировать это шпионское гнездо.

– Вы правы... Мне кажется, что у нас достаточно доказательств тому, что Мюллеры развернули довольно активную деятельность, вовлекая в свою сеть ничего не подозревающих военных. Правда, хотелось бы выявить каналы переправки добытых сведений за границу и связников, чтобы обрубить этой гидре не только голову, но и все щупальца...

– Рискованно, Евгений Евграфович, – заметил Стравинский. – Вражеские агенты могут обнаружить за собой слежку и сбежать в свой фатерлянд со всей добытой информацией.

– Вы же хвалились когда-то, что ваши филеры лучшие из лучших...

– Время имеет особенность все расставлять по своим местам, – философски заметил жандармский полковник. – Профессионалы, увы, уходят, а на их место приходят амбициозные юнцы, начитавшиеся Конан Дойля. Многие из них с щенячьей непосредственностью думают, что враз превзойдут своих учителей и наставников, и уже сейчас с трудом мирятся с необходимостью подчиниться им и выслушивать их наставления.

– Когда-то и мы были молодыми... – улыбнулся Баташов.

Стравинский, достав из кармана свой знаменитый портсигар, вынул из него папиросу и, прикурив от зажигалки, глубоко затянулся.

– Так что, уважаемый Евгений Евграфович, будем уповать на зоркость наших филеров и Господа Бога. Никто из нас не застрахован от провала. Хотя мне бы очень не хотелось, чтобы наш совместный блин вышел комом...

– И мне этого не хочется! – согласился Баташов. – Но что же делать?

– Ликвидируем шпионское гнездо вместе со всеми пособниками и в камере выьем все необходимые нам показания, – решительно предложил жандармский полковник.

– Нет, так не пойдет... Мы же живем в цивилизованной стране и должны руководствоваться 111-й статьей Уложения о наказаниях...

– Господин генерал! – перебил Баташов, явно раздражаясь, Стравинский. – Если мы будем во всем руководствоваться законом, то через несколько дней семейку Мюллеров нужно будет освободить. Мало того, нам придется еще и извиняться перед ними.

– Но почему?

– В том случае, если мы не найдем при обыске квартиры Мюллеров никаких вещественных доказательств их противоправной деятельности, не на чем будет строить обвинение...

– А зашифрованная записка? А секретный приказ? А провокационные разговоры?

– Вы же прекрасно знаете, что от всего этого и Янус, и его поделщики могут отказаться, как это уже не раз было с другими вражескими агентами, схваченными нами.

– И в самом деле, – сказал задумчиво Баташов, – пока что наши законы далеки от совершенства... Придется работать старыми, испытанными методами. Но, скажу откровенно, мне не хотелось бы участвовать в выбивании показаний.

– Не хотите ручки марать? – беззлобно спросил жандармский полковник.

– Не хочу! – откровенно признался Баташов.

– Ну что же, дело ваше. А нам не привыкать...

Задержание было произведено днем, когда Мюллер-старший возвращался домой с портфелем в руках. В квартире во время обыска были обнаружены тайники. Основные бумаги, изобличавшие агентов германской разведки, были найдены под привинченной мраморной доской умывальника. На страницах каталогов, лежавших на письменном столе сына, оказались конспиративные записи, сделанные химическими чернилами, невидимыми для глаза. В двух банках на кухне вместо соды и соли оказались химические реактивы, необходимые для воспроизводства скрытых текстов.

Вслед за Мюллером-старшим были арестованы его сын и дочь, а также их поделщики Тадеуш и Вацлав, оказавшиеся засланными германской разведкой связниками.

Оказавшиеся в руках жандармского полковника Стравинского арестованные вскоре дали чистосердечные показания. Оказалось, что Мюллер-старший состоял в двойном подданстве – германском и российском. За время его шпионской деятельности ему удалось получить весьма ценную информацию о местах дислокации кавалерийских полков, точное расположение в Привислинском крае десятков воинских частей, а также точные адреса офицеров, служивших в крепостных укреплениях этого края. Склад лжекупца Бурховецкого, который успел куда-то скрыться, служил главной явкой для шпионов. При обыске оказалось, что в пачках фотобумаги, импортированных из Германии, находились инструкции резидентам германской разведки в России из берлинского Главного штаба. На допросе выяснилось, что Янус прошел специальную подготовку в Кенигсбергской школе разведчиков по технике добывания военных секретов в иностранных государствах. Среди особо ценных документов, обнаруженных у него, оказался полный список адресов офицеров штаба Северо-Западного фронта. Янус показал, что этот список составил сам на основе памятной книжки, похищенной у знакомого штабного писаря, которого он предварительно напоил до потери сознания. В свою очередь Матильда созналась в том, что успела сообщить в Германию сведения о передвижении российских войск по железной дороге за последний перед арестом месяц...

Обо всем этом Стравинский рассказал Баташову уже через неделю после ликвидации шпионского гнезда.

– Я предлагаю оставить на складе Бурховецкого засаду и брать всех прибывающих туда агентов и связных, – предложил он в заключение...

– Это было бы прекрасно, – задумчиво сказал Баташов, – но для этого надо перевербовать Януса...

– Он уже дал согласие работать на нас! – радостно перебил его жандармский полковник.

– ... и немедленно арестовать купца первой гильдии Бурховецкого. Ведь если он успел перебраться в Германию, то толку от нашей засады никакого не будет.

– Я с полной ответственностью заявляю, что Бурховецкий убит при попытке перехода линии фронта. Об этом мне сообщили из Лодзинского жандармского отдела, после того как я передал туда данные на этого субъекта.

– В таком случае я согласен с вашим предложением и направлю для организации засады на складе своих офицеров во главе с подполковником Воеводиным.

– Иван Константинович уже подполковник? – удивленно воскликнул Стравинский. – Хотя чему здесь удивляться... Если шеф заслуженно награжден Георгиевским крестом четвертой степени, то награда непременно должна пасть и на плечи боевого заместителя. Поздравляю вас с этой заслуженной наградой! Ведь не так часто удается одним ударом ликвидировать немецкого резидента и вывести на чистую воду предателя. Читал я в Варшавских губернских ведомостях о ваших подвигах. Честно признаюсь, позавидовал вашей удаче белой завистью...

– Не умахайте, уважаемый Апполинарий Эрастович, и своего участия во всех этих делах, – улыбнулся Баташов. – Кстати, я в своем рапорте указал и о ваших заслугах...

– В нашем ведомстве все делается не так, как в армии, – с явным сожалением сказал полковник. – Вот и теперь вы не позволяете мне победно завершить наше совместное дело. Что тут говорить: мавр сделал свое дело, мавр может удалиться...

– Не обижайтесь, уважаемый Апполинарий Эрастович, поймите и меня. Я начинал разработку Януса, я и должен ее и завершить.

– Все правильно! Я на вас не в обиде, и готов, как и прежде, помогать. Ведь мы делаем одно общее дело – защищаем наше Отечество от тайных врагов!

Вскоре при содействии Януса были задержаны несколько агентов германской и австро-венгерской разведок. Среди них оказался лесопромышленник, немец по национальности, который доставлял германским военным властям обширные статистические сведения по Западному и Северо-Западному регионам России, представляющие определенный стратегический интерес. Второй по значению фигурой был купец, эстонец по национальности, который подвизался поставлять фураж для воинских частей Северо-Западного фронта. Эти и несколько менее значительных агентов ранее проходили обучение в спецшколах германской разведки.

Доказательств шпионажа германских агентов для суда было достаточно, но прокурор затребовал главного свидетеля, и начальнику контрразведки Северо-Западного фронта генералу Баташову на время судебного процесса пришлось выехать в Петроград...

Глава II

Царское Село

Март 1915 года

1

Первая Пасха Мировой войны скромно, без привычной пышности праздновалась в России ранней весной. «Великий праздник любви и всепрощения, день, когда каждый должен почтить братом своего ближнего, пришел на землю в необычной обстановке, – писала накануне одна из провинциальных газет. – Льется потоками кровь человеческая, гибнут сотни тысяч молодых жизней. Но в душе роятся смутные надежды на лучшее светлое будущее: принесший в мир великую любовь, поправ смертью смерть. И воцарится рано или поздно эта великая любовь – умолкнут громы чудовищных орудий, перестанет литься кровь, и смысл великого завета – любить друг друга – будет понят людьми». И в самом деле, в Царском Селе, изобилующем военными лазаретами и санитарными поездами, особенно ясно чувствовалась великая надежда на лучшее, надежда на то, что вскоре наконец-то смолкнут орудия и перестанет литься кровь, что в мире восторжествуют мир и любовь. В храмах празднично звенели колокола, шли торжественные службы, и, казалось, что на Россию, как и в прежние времена, снизошло Вселенское блаженство. Раненые, разговевшись невиданными ранее яствами, присланными с царского двора, с восхищением рассказывали друг другу о богатой сервировке праздничного стола и обилии всяких вкусностей. Но не это больше всего волновало военный люд, наводнивший Царское Село, а будоражащая сознание каждого весть о том, что в Светлый понедельник они предстанут пред ясные очи самого государя императора.

Первой весть об этом в палату выздоравливающих офицеров, которая находилась в правом флигеле Екатерининского дворца, принесла сестра милосердия Дуняша, которая ранним утром в Светлое Христово воскресенье пришла навестить подопечных раненых.

– Христос Воскресе! – звонким голосом вместо обычного приветствия, возвестила она.

– Воистину Воскресе! – чуть ли не в один голос отозвались офицеры, вскакивая с постелей и надевая на ходу халаты.

Первым к девушке подошел, чуть заметно прихрамывая, поручик Аристарх Баташов.

– Христос Воскресе! – торжественно провозгласил он.

– Воистину Воскресе! – промолвила Дуняша, одаряя его своей лучезарной улыбкой. Он горячо расцеловал девушку и хотел было перемолвиться с ней хоть словечком, но к сестре милосердия уже выстроилась по старшинству живая очередь желающих похристосоваться.

Махнув в сердцах рукой, Аристарх отступил и теперь ревниво наблюдал за тем, как его избранницу целуют товарищи по палате.

После того как с Дуняшей похристосовался последний – юный, еще безусый прапорщик Андрианов, – она неожиданно объявила:

– Господа офицеры, всех выздоравливающих, проходящих лечение в военных лазаретах Царского Села, в честь Великой Пасхи, его Императорское Величество, примет в Большом зале дворца!

Офицеры, находящиеся в палате, удивленно и недоверчиво уставились на сестру милосердия, принесшую им такую неожиданную и радостную весть.

– Когда? – растягивая от волнения слово, озвучил Аристарх застывший у всех на устах вопрос.

– Завтра, в Светлый понедельник.

- Неужели сам государь император будет? – заикаясь от волнения, спросил прапорщик.
- Непременно будет! – уверенно промолвила девушка.

Возбужденно переговариваясь, офицеры вышли в коридор, разнося радостную весть по другим палатам. Оставшись наедине с Дуняшей, Аристарх ревниво выговорил ей:

- Сударыня, вы целовались с моими товарищами по палате отнюдь не по-братски...

– Простите сударь, – залившись краской до корней волос, пролепетала девушка, – я, кажется, немного увлеклась...

– Благодарите Бога! В это Светлое Христово воскресенье я не могу на вас сердиться, – промолвил улыбнувшись Аристарх и нежно привлек девушку к себе, чтобы еще раз расцеловать раскрасневшуюся и ставшую от этого еще краше Дуняшу.

Упершись маленькими кулачками в грудь офицера, сестра милосердия, испуганно поглядывая на дверь, запротестовала:

- Бог с вами, Аристарх Евгеньевич, а если кто-нибудь войдет?

– Господа офицеры знают, что вы моя невеста. Я объявил об этом накануне, – успокоил девушку Аристарх и еще крепче сжал ее в своих объятиях.

Еще немного посопротивлявшись для вида, под настойчивым кавалерийским натиском бравого гусара она, наконец-то ласково улыбнувшись, сдалась. Чуть припухшие, заманчивые губы, сладострастно раскрылись навстречу долгожданному поцелую, распутившись, словно алый, благоухающий бутон, свежесорванного голландского тюльпана.

– Господа офицеры небось осуждают вас за столь опрометчивый поступок, – промолвила Дуняша, немного отдышавшись после продолжительного, сладострастного поцелуя.

– Отнюдь нет! Все искренне поздравили меня с достойным и прелестным выбором. А подполковник Головнин заявил, что если бы не я, то он сам перед выпиской из лазарета посватался бы к вам! Он искренне признался мне, что влюбился в вас с первого взгляда.

– Неужели? – воскликнула с деланным удивлением сестра милосердия. – И как же это я обмишурилась... Подполковник-то старше вас по званию... – неожиданно добавила Дуняша, стрельнув в Аристарха насмешливым взглядом. Заметив, что радостный огонек в глазах поручика неожиданно померк, она звонко рассмеялась.

– Да на что он мне, пень трухлявый, если рядом ты, сокол мой ненаглядный? – Дуняша обвила его шею своими нежными ручками и стала самозабвенно целовать его губы, лоб, щеки, словно прося прощение за свои необдуманно брошенные слова.

- Только ты мне люб, и больше никто на свете мне не нужен, – шептала она ему на ухо.

От захлестнувшей всего его ласки, горячих поцелуев и всеобволакивающего запаха любимой женщины у Аристарха закружилась голова, и он, еще не полностью восстановивший после многих операций и процедур свои жизненные силы покачнулся.

– Обопрись на меня, мой милый! – испуганно воскликнула Дуняша, подставляя под его руку свое худенькое, но твердое и надежное плечо.

«Вот так, не отрываясь, и пройти бы с Дуняшей по жизни, – подумал Аристарх, – большего счастья мне и не надо...»

На Светлый понедельник, в час тридцать пополудни, выздоравливающие офицеры, а также нижние чины и запасные солдаты гвардии, поодиночке и строем, начали прибывать в Большой Екатерининский дворец.

Церемониймейстер, не привыкший к такой, довольно разнообразной публике, с трудом выстроил прибывших в каре в ослепительно сиявшем золотом и хрусталем Большом зале. В ожидании императора и его свиты он с чувством выполненного долга застыл возле плотно закрытых парадных дверей.

Аристарх оказался рядом с подполковником Головниным.

– Неужели сам царь христосоваться с нами будет? – недоверчиво спросил тот, кося глаз на вход.

– Насколько я знаю от отца, по довоенной традиции в Пасхальную неделю во дворце обычно собиралась свита, офицеры Управления военного округа и гвардия, расквартированная в казармах Царского Села, – обернувшись к подполковнику, ответил Аристарх, – но, поскольку гвардия на фронте, государь император, видимо, решил похристосоваться с находящимися здесь выздоравливающими офицерами и нижними чинами, а также с солдатами и офицерами запасных гвардейских батальонов. Так что, считайте, что нам необычайно повезло. Такое может случиться только раз в жизни, да и то не с каждым. Я, к слову сказать, уже имел честь не только лицезреть государя императора, но и разговаривать с ним...

– Неужели? – воскликнул удивленно Головнин. – Вы просто счастливчик! И когда же вы успели предстать перед государем? – недоверчиво глядя на Аристарха, спросил он.

– В Красном Селе, по случаю производства в первый офицерский чин.

– Счастливчик вы, поручик, – промолвил подполковник, с завистью взглянув на Аристарха, который, как и все присутствующие в зале, вперил нетерпеливый взгляд на парадные двери, которые вот-вот должны были распахнуться, являя всем и вся, помазанника Божьего.

Щурясь от ослепительного мартовского солнца, которое через два яруса окон на южной стороне зала заливало нестерпимо ярким светом стоящую в каре массу военных, с нетерпением ожидавших необычного, похожего на чудо действия, являющегося как бы продолжением великого чуда Пасхи – Воскресения Христа, люди, большинство из которых никогда в своей жизни не лицезрели живого царя, с благоговением устремили свои взоры на парадный вход, словно перед ними вот-вот должен был явиться с нимбом над головой сам Господь Бог.

Дворцовые куранты мелодично отбили два часа. При последнем ударе резко распахнулись створки золоченных парадных дверей, и в залитый солнцем зал вошел невзрачного вида офицер, одетый по-походному в защитного цвета и грубого солдатского сукна гимнастерку с полковничьими погонами, такого же цвета брюки и простые хромовые сапоги. На его узкой груди сверкал темно-красной эмалью обведенный черной каймой маленький крест ордена Святого Владимира на ленте таких же цветов. Лишь по излишней суете церемониймейстера, да появлению торжественно шествующего вслед за офицером гофмейстера Бенкендорфа в сопровождении двух лейб-казаков, несущих огромные корзины с пасхальными подарками, можно было догадаться, что в зал вошел сам государь император.

От умиления, что царь всем своим видом как бы воплощал простоту и отсутствие преград между ним и православным воинством, у Аристарха выступили на глазах слезы. Было видно, что это – искреннее желание помазанника Божьего подчеркнуть почти семейный, домашний характер церемонии по случаю такого человеческого, радостного праздника Пасхи.

Аристарх краем глаза заметил, как смахнул набежавшую слезу умиления Головнин, как зашмыгал носом прапорщик...

Неторопливо, размеренным и четким военным шагом император вышел на середину зала. Сзади него выстроилась многочисленная свита, состоящая из камер-пажей, камер-юнкеров, свитских офицеров и генералов. Царь стал почти напротив Аристарха, и тот с удивлением заметил в его коротко подстриженных волосах седину. Было видно, что, несмотря на праздничный день, синие глаза императора излучали не пасхальную радость, а вселенскую печаль. Но, как только он вдохнул в себя воздух, чтобы произнести святыне для всех православных слова пасхального приветствия, его глаза заискрились, засветились добрым, всепрощающим светом.

– Христос Воскресе! – громким, радостным голосом возвестил он.

– Воистину Воскресе! – прогремел под высокими сводами зала по-военному четкий и восторженный хор голосов.

– Наверное, государь со свиты своей христосоваться начнет, – восторженно глядя на царя, прошептал подполковник, – до нас нескоро очередь дойдет...

Но император, вопреки предположению Головнина, почему-то сразу же направился к флангу разношерстного строя военных, где стояли выздоравливающие нижние чины гвардии.

– Государь потому начал с левого фланга, что жалеет раненых, наверное, думает, что нам еще нелегко выдержать в строю всю церемонию, – снова высказал свое предположение неугомонный подполковник.

Христосование проходило быстро и споро, и вскоре четким строевым шагом к императору подошел Головнин.

– Христос Воскресе! – сказал царь, пытливым взглядом взглянул в глаза офицеру.

– Воистину Воскресе! – взволнованно ответил подполковник.

Император обнял его, и они трижды поцеловались. Лейб-казак отработанным жестом выдвинул вперед корзину, из которой царь взял пасхальное яйцо и протянул его Головнину. Подполковник, словно святыню, бережно взял в обе руки царский подарок и, хриплым от волнения голосом промолвил:

– Душевно благодарю, Ваше Величество!

Четко развернувшись, он направился к выходу, уступив место напротив царя следующему офицеру.

Аристарх хотел так же, как и подполковник, четким строевым шагом подойти к императору, но сделав несколько шагов, вдруг почувствовал, как нестерпимая резь обожгла ногу, и он, с трудом преодолевая внезапную боль, отпечатал оставшиеся шаги.

Государь, видимо, заметил невольную судорогу, скользнувшую по лицу поручика, и сочувственно взглянул на него.

После пасхального приветствия они похристосовались, а перед тем, как вручить Аристарху пасхальное яйцо, царь совсем по-отечески спросил:

– Что, болят еще раны?

– Да так, самую малость, Ваше Величество.

– Ну, ничего, до свадьбы, заживет! Мне рассказывала о вас, штаб-ротмистр, великая княгиня Ольга Александровна. Кажется, вы были ранены в Карпатах, будучи в разведке?

– Да, Ваше Величество, – не вдаваясь в подробности своего ранения, промолвил Аристарх и удивленно добавил: – Вы ошиблись, Ваше Величество, я всего лишь поручик!

– По ходатайству полкового командира вам присвоено досрочное звание штаб-ротмистр, с чем я вас и поздравляю.

– Благодарю, Ваше Величество! Я оправдаю ваше высокое доверие в бою!

– Верю, верю, мой славный гусар... А как там ваш батюшка, Евгений Евграфович, давно с ним виделись?

– Он на фронте, Ваше Величество. А виделись мы последний раз еще в нашей славной школе больше года назад.

– Передавайте ему от меня наилучшие пожелания и вот это пасхальное яйцо.

Император вынул из корзины два больших фарфоровых пасхальных яйца с золотыми императорскими вензелями и торжественно вручил их Аристарху.

– Сердечно благодарю, Ваше Величество! – звонким голосом промолвил новоиспеченный штабс-ротмистр и, четко развернувшись, не чуя под собой ног, направился по зеркальному паркету к выходу.

Глава III

Петроград

Апрель 1915 года

1

Продолжительная командировка в Петроград, во время которой начальник контрразведки Северо-Западного фронта генерал Баташов должен был выступать в суде свидетелем обвинения по делу германской шпионской организации под предводительством Януса, не доставляла ему большой радости. Одна лишь мысль о том, что он наконец-то после долгой разлуки сможет увидеться с супругой и детьми, проливалась бальзамом на его истосковавшееся по семье сердце. Редкие письма и телеграммы не могли заменить ему радости личного общения с родными людьми. Из писем дочери Баташов знал, что Аристарх после тяжелого ранения пошел на поправку и что доктора обещают представить ему после Пасхи лечебный отпуск. В своем последнем письме Лиза туманно намекала о том, что в личной жизни брата грядут непредсказуемые, довольно нежелательные перемены, и просила отца наставить Аристарха на путь истинный.

«Неужели сын окончательно порвал со своей невестой?» – то и дело появлялась у генерала назойливая мысль, пока он трясся в офицерском вагоне воинского эшелона, доставлявшего остатки поредевших в боях полков в глубокий тыл для переформирования.

Не ведая, когда состав прибудет в Петроград, Баташов не стал тревожить супругу телеграммой, и потому на перроне варшавского вокзала его никто не встречал. Выйдя из вагона, он с удивлением обнаружил явно несвойственную столице тишину. Казалось, что жизнь здесь замерла. Не носились взад и вперед услужливые носильщики, не видно было даже полицейских, которые обязаны были встречать каждый прибывший поезд. На пустующей пристанционной площади не видно было пролетов. Только возле будки торчал какой-то полицейский чин, который, увидев направляющегося к нему генерала, выпучил от напряжения глаза и вытянулся во фрунт.

– А что, служивый, – обратился к нему Баташов, – куда «ваньки»-то подевались?

– Не могу знать, ваше превосходительство! – гаркнул околоточный. – Никак бастуют, – доверительно промолвил он, и глаза его суетливо забегали по площади в поисках хоть какого-то транспорта для генерала.

В это время на площадь выехал автомобиль, и околоточный сразу же кинулся ему наперерез.

– Стой! – грозно крикнул он и приподнял для убедительности свою «селедку»¹.

Водитель резко затормозил, и полицейский, подбежав к авто, услужливо открыл дверцу.

– Ваше превосходительство, извольте! – крикнул он генералу.

Удивленный бесцеремонными действиями околоточного Баташов подошел к машине.

– Вы не имеете права... – пищал невысокого роста водитель, одетый в кожанку.

– Молчи, тараканья титька! Авто временно реквизируется по закону военного времени, – грозно прорычал околоточный и положил руку на эфес своей шашки. Этот жест подействовал на водителя отвращающе, и он, безнадежно махнув рукой, пропищал высоким фальцетом:

– Присаживайтесь, ваше превосходительство! Куда прикажете?

¹ Полицейская шашка.

Баташов поблагодарил служивого, одарил его рублем, за что тот чуть было не кинулся его от радости целовать.

Назвав шоферу улицу и номер дома, генерал, уловил на себе его недовольный взгляд.

– Не сердись, любезный, я заплачу, сколько надо, – добродушно промолвил он.

Автомобиль тронулся с места и вскоре вокруг замелькали до боли знакомые дома, улицы и переулки. Какую-то напряженность и пустоту Баташов ощутил и на некогда многолюдных и шумных улицах Петрограда. Редкие пролетки попадались на пути, а немногочисленные прохожие при виде автомобиля старались скрыться с глаз долой, затеряться в многочисленных переулках.

– Забастовки, – заметив недоуменный взгляд генерала, промолвил водитель. – В городе идет молва, что ввиду военного времени конная и колесная полиция будет применять по забастовщикам оружие без предупреждения. Вот жители со страхом и косятся на авто.

Для Баташова было неожиданной новостью то, что здесь, в глубоком тылу, в столице Государства Российского, происходят революционные брожения, неповиновение властям.

«Что деется? – искренне возмутился он про себя. – А мы-то воюем в полной уверенности, что общество поддерживает нас, своих защитников. Ан нет, и здесь, среди народа, оказывается, затесался враг».

Уже темнело, когда автомобиль остановился у заветного дома. Одарив шофера рублем, Баташов по-мальчишески легко взбежал на крыльцо и с замиранием сердца дернул за цепочку звонка. Вскоре дверь широко распахнулась, и он увидел на пороге свою незабвенную Варвару Петровну.

– О, Господи! – только и смогла произнести супруга и начала медленно оседать.

– Ну что ты, матушка? – хриплым от волнения голосом промолвил генерал и вовремя ее подхватил.

– Ой, батюшки! – послышался истерично-звонкий голос горничной. – Барышня, ваш батюшка Евгений Евграфович изволили приехать!

В прихожую вбежала обрадованная дочь и, увидев, что татап без чувств висит на руках отца, чуть было сама не упала в обморок.

– Всем стоять! – неожиданно скомандовал генерал, и от этого резкого и в то же время радостного, родного голоса очнулась Варвара Петровна и передумала падать в обморок Лиза.

В следующее мгновение мать и дочь обессиленно повисли на шее главы семейства, сквозь слезы благодаря Бога за такой нежданный подарок...

Днем позже, ранним утром, вся семья Баташовых направилась на поезде в Царское Село навестить Аристарха.

Накинув белоснежные халаты, генерал, Варвара Петровна и Лиза чинно проследовали по просторным коридорам Екатерининского дворца к палате выздоравливающих. Чтобы не шокировать своим неожиданным появлением Аристарха, Баташов предложил войти сначала дочери и супруге.

Зайдя в затемненную непроницаемыми для света шторами комнату, женщины не сразу заметили на дальней кровати Аристарха, который в это время, улучшив момент, притянул к себе свою очаровательную сестру милосердия, чтобы страстно ее расцеловать. Но, как только дверь открылась, Дуняша оттолкнула его от себя и начала торопливо оправлять на голове белую косынку с красным крестиком.

От глаз Лизы, несмотря на полумрак, не ускользнуло невольное замешательство девушки, стоящей у кровати брата. Но она не стала посвящать в свои подозрения мать и, обрадованно всплеснув руками, направилась к Аристарху. Следом вошла Варвара Петровна.

– Что с тобой, мой мальчик, – воскликнула татап, приблизившись к кровати.

Услышав взволнованный голос матери, Аристарх резко вскочил с постели и торопливо запахнулся в больничный халат.

– Не волнуйтесь, тамап! – удивленно и радостно воскликнул он. – У меня все нормально.

– Ну и слава Богу, – удовлетворенно промолвила Варвара Петровна, – а я-то, старая, думала, что тебя опять лихоманка скрутила. Дай-ка я тебя расцелую...

Обняв и расцеловав сына, мать перевела свой взгляд на сестру милосердия, с интересом прислушивающуюся к разговору.

– Голубушка, – ласково обратилась она к ней, – будьте любезны раздвинуть шторы. А то я сына своего никак не разгляжу.

Дуняша услужливо кивнула своей милой головкой и привычным движением рук, словно волшебница, впустила в комнату неиссякаемый поток солнечных лучей, на мгновение ослепивший всех.

– Ты на мать смотри, а не в окно, – обиженно промолвила Варвара Петровна, углядев, когда глаза привыкли к яркому свету, что сын уставился на девушку, которая в ореоле солнечных лучей, казалась сказочной принцессой, сошедшей с одного из портретов царского дворца.

– Прошу прощения, тамап, – виновато улыбнулся Аристарх, – я просто ослеплен невиданной красотой и никого и ничего вокруг больше не вижу.

– Да, красота и великолепие царского дворца может всякого ослепить, – согласилась мать, – только не замечать родную сестру – это верх неприличия.

– Прости меня, моя дорогая Лизонька, – подошел к сестре поручик и нежно поцеловал ее в щеку. – Я думаю, что ты больше не будешь уговаривать меня расстаться с Дуняшей, – шепотом добавил он.

Лиза молча кивнула головой в знак согласия.

– А у нас для тебя сюрприз, – неожиданно промолвила Варвара Петровна. – Милочка, – обратилась она к Дуняше, – будь любезна, пригласи к нам гостя, который стоит за дверью.

Дуняша вопросительно взглянула на Аристарха и, уловив чуть заметный его кивок, направилась к двери. Увидев в коридоре незнакомого военного, она присела в книксене и, распахнув настежь двери, промолвила, отчего-то смутившись:

– Господа просят вас войти.

Баташов, окинув девушку мимолетным взглядом, прошел в комнату и широким шагом направился к застывшему в радостном недоумении сыну. Он в первое мгновение не узнал его – так неожиданно быстро тот возмужал и, казалось, стал даже выше ростом и шире в плечах.

Много воды утекло с последней их встречи в Николаевском кавалерийском училище, когда Аристарх, красуясь юнкерскими погонами на плечах, откровенничал с отцом, делился своими юношескими заботами и секретами, с упоением внимал его советам, впитывая душой и сердцем такие святыне для русского офицера понятия, как долг перед Отечеством и честь. Все эти мысли промелькнули в голове генерала, пока он привычным военным шагом шел к сыну. Не дожидаясь, пока отец подойдет, Аристарх, расставив руки в стороны, прихрамывая, сделал несколько шагов ему навстречу.

– Рара́, как долго я ждал этой минуты, – глухо промолвил он, обнимая отца.

– Я тоже стремился к тебе, сынок, но, понимаешь, служба...

– Я все понимаю, рара́, – промолвил Аристарх, поглаживая рукой его рано поседевшие виски. – И тебе несладко пришлось на этой войне, – несколько разочарованно добавил он и, чуть отстранившись, несколько мгновений внимательно всматривался в дорогие и любимые им строгие черты лица, в покрасневшие от явного недосыпания, но по-прежнему добрые и все понимающие глаза.

– Разрешите представить вам мою будущую невесту, – словно обухом по голове, огорошил родителей Аристарх.

– Неужели ты помирился с Ларой? – почти в один голос обрадованно воскликнули отец и мать.

– Нет! Моего ангела-хранителя зовут Дуняша, – не обращая внимание на восклицание родителей, неожиданно заявил сын. – Милая моя, я хочу познакомить тебя со своими рарá и тапан, – радостно промолвил он, взглянув на девушку, и твердо добавил: – Это моя невеста!

Подойдя к явно не ожидавшей такого оборота дела девушке, Аристарх крепко обнял ее и поцеловал. Пораженная услышанным, она не сопротивлялась, а лишь только закрыла руками зардевшееся, но от того ставшее еще прекрасней личико.

От всего увиденного и услышанного родители замерли, словно в столбняке, не зная, что сказать. Только Лиза, все еще обиженная на брата за отставку своей лучшей подруги, с нескрываемым недовольством смотрела на девушку с красным крестом на платке, сумевшую, явно ради их богатства, прибрать к рукам ее любимого брата. Воспитанная в старых, патриархальных традициях, Лиза и в мыслях не допускала другой причины, кроме меркантильной. Конечно же она с упоением читала французские романы о величии любви, но, запертая в стенах Смольного института благородных девиц, и слыхом не слыхивала о подобном среди мужчин и женщин в светском обществе, к которому принадлежала по рождению. Напротив, она постоянно слышала о том, как выгодно вышли замуж те или иные «смолянки» – для большинства выпускниц Смольного института только это было мерилом настоящего счастья. И, когда Аристарх познакомил ее со своим товарищем Алексеем Свиным, она на другой день после бала прежде всего направилась в библиотеку и нашла в Гербовике, среди наиболее известных в Российской империи имен, имя столбовых дворян Свиных. Конечно, рослый с приятной внешностью молодой офицер понравился ей, но узнав о богатстве его фамилии, Лиза, как ей казалось, и в самом деле влюбилась в него. Хотя, в глубине души, ловила себя на мысли, что ей нравятся и другие офицеры, которых она встречала на великосветских балах еще до войны... Но при этом она знала главное: родители одобрили кандидатуру Алексиса, и она ни за что не пойдет против родительской воли... Поэтому Лиза с негодованием встретила решение брата порвать с Ларой, но больше всего она была уязвлена не этим, а тем, что Аристарх влюбился в эту деревенскую простушку и теперь во всеуслышание называет ее своей невестой. «Этому не быть никогда!» – подумала Лиза, гневно сверкнув глазами в сторону прячущейся за спиной брата девушки.

– Tu as bien pensé, avant de rompre définitivement avec Lara et d'exprimer son intention allier avec cette простолудинкой? Peut-être as-tu des précisions pouvez-vous me dire sur elle?² – с трудом сдерживаясь, спросила Варвара Петровна, от волнения медленно подбирая французские слова.

– Я хорошо подумал, – твердо ответил Аристарх, – тапан, я прошу тебя, в присутствии моей невесты не переходить на французский...

– Воля твоя. Я хотела, как лучше, – деловито, почти без эмоций, промолвила Варвара Петровна, – тогда расскажи нам о ней. Кто ее родители?

– Дуняша – дочь нашего деревенского кузнеца, – взволнованно ответил Аристарх.

– Ты хочешь жениться на холопке? Этому не бывать никогда! – вызывающе глядя на сына, промолвила Варвара Петровна. – Этому не бывать никогда, – убежденно повторила она.

– Но я люблю эту девушку! – воскликнул Аристарх.

– Тебе никто не запрещает ее любить, – строго взглянула на сына мать, – но ты же прекрасно знаешь, что мы никогда не примем ее в свою семью... Если тебе разонравилась Ларочка, найди другую, но нашего круга, – категорично заявила она. – Да вот хотя бы и дочь нашего соседа по имени Петра Ильича Вышегородцева Вареньку. Чем тебе не пара, молода, образована и к тому же богата?..

² Ты хорошо подумал, прежде чем окончательно порвать с Ларой и высказать нам свое намерение породниться с этой простолудинкой? Может быть, ты подробнее расскажешь о ней? (*франц.*)

– Мне других не надо! – прервал мать Аристарх и вопросительно взглянул на отца, словно ища у него мужской поддержки.

Слушая словесную перепалку самых близких для него людей, Баташов-старший в первую минуту не мог ничего понять. Долгое время оторванный от семьи, он и представить себе не мог, что его сын поведет себя так... не по-мужски. Для генерала такие понятия, как обручение, долг, честь и совесть, всегда были в одном ряду. И даже небольшой отход от этих, святых для него понятий, вызывал в его душе бурю негодования. Человеку, который бы манкировал эти понятия, он не подал бы руки... И вот, любимый сын, его плоть и кровь, обманул девушку, которую ранее прилюдно обещал взять в жены, мало того, хочет жениться на безродной, дочери сельского кузнеца... Конечно, генерал не был сторонником старого, даже где-то считал себя либералом по отношению к простонародью. Да и по долгу службы ему приходилось частенько общаться с нижними чинами, перед которыми он никогда не кичился ни своим происхождением, ни своим генеральским званием...

Еще раз взглянув на зардевшееся лицо сестры милосердия, он вдруг припомнил давний случай, произошедший с ней во время его очередного приезда в имение. Эта кузнецова дочь поразила его тогда своей смелостью. Уверенно и со знанием дела она успокоила ретивого жеребца, по недогаду конюхов вырвавшегося из загона и наделавшего переполоха на заднем дворе имения. На память пришло и письмо управляющего имением Кульнева, в котором тот поведал о ссоре, произошедшей из-за дочери кузнеца, между его сыном Дениской и Аристархом. Вспомнил и о последнем письме дочери, которая туманно намекала о неожиданных переменках в личной жизни брата. «И это все она, кузнецова дочка, – с досадой подумал генерал. – Что же теперь делать, ведь сын, я знаю, от своего решения не отступится. Может быть, уговорить его повременить со свадьбой, – пришла ему в голову спасительная мысль, – а там время все расставит на свои места. Если, даст Бог, он поступит в Академию Генерального штаба, то за учебной не до любви будет...»

Баташов-старший уже хотел было ответить на просительный взгляд сына, когда Варвара Петровна, окинув презрительным взглядом Дуняшу, неожиданно предложила:

– Прежде чем принимать окончательное решение, я бы хотела побеседовать с вами, милочка, тет-а-тет! – заметив недоуменный взгляд девушки, брошенный на Аристарха, она снисходительно добавила: – Тет-а-тет, это по-французски – с глазу на глаз.

– Разве у тебя, татап, могут быть от нас секреты? – удивленно воскликнул Аристарх.

– Да, мой мальчик, – уверенно ответила Варвара Петровна, – существуют чисто женские вопросы, и они не для мужских ушей.

Девушка, немного оправившись от ошарашивших всех событий, уверенно промолвила:

– Хорошо, мадам. Мы можем поговорить в моей комнате. Это здесь рядом, в конце коридора.

Дуняша пропустила вперед Варвару Петровну, и, бросив на явно обескураженного таким поворотом событий Аристарха ободряющий взгляд, направилась следом за ней.

Немного не доходя до парадного зала дворца, среди анфилады комнат, располагались и комнатухи сестер милосердия, которые не имели в Царском Селе своего жилья.

– Здесь, мадам, – сказала Дуняша, как только они поравнялись с дверью, на которой красовался красный крест.

Открыв дверь, девушка пригласила в свое временное жилище Варвару Петровну, которая, окинув скептическим взглядом комнатку, в которой уместались лишь кровать, шкаф, небольшой столик и два венских стула, неожиданно заметила:

– А я-то думала, что в таком прекрасном и богатом дворце нет и не может быть комнат для прислуги...

– Насколько я знаю, эта комната для отдыха пажей. Но мне и этого небольшого помещения вполне достаточно, – сказала Дуняша, прекрасно поняв, на что намекнула мать Аристарха. Предложив госте стул, она скромно присела на краешек аккуратно заправленной кровати.

Несколько минут мадам внимательно разглядывала хозяйку комнатушки, пытаясь понять, что такое в ней могло так привлечь ее сына. «Стройна, красива, опрятна, – думала она, – конечно, у нее нет светского лоска и хорошего образования, как у Лизы и Лары. Вероятнее всего, она околдовала сына, пользуясь его болезненным состоянием, постоянно находясь рядом с ним».

Со слов дочери, она знала, что несколько месяцев назад привезенная по просьбе Лары из деревни эта простушка и двух слов связать не могла, к тому же и разговаривала на смеси малороссийского и русского языка, удивляя всех вокруг. Лиза, частенько навещая брата, видела с каким терпением и старанием Аристарх учил девушку правильно выговаривать слова, ставить ударения и вскоре добился своего. По совету Лары, девушка занималась на ускоренных курсах сестер милосердия, которые накануне окончила. При всей неприязни к этой девушке, Варвара Петровна не могла не признать в глубине души то, что именно эта сестра милосердия помогла сыну выкарабкаться из лап неминуемой смерти. Еще перед Рождеством профессор медицины, вызванный из Петрограда по просьбе великой княгини Ольги Александровны, бессильно разводил руками, утверждая, что, если дойдет до гангрены, то надо будет отнимать ногу. Рана заживала мучительно долго, но вскоре, слава богу, опасность гангрены миновала. Аристарху сделали несколько операций, в том числе и на коленном суставе, и не без участия этой сестры милосердия молодой и тренированный организм Аристарха начал побеждать и слабость от ран, и последствия контузии. «Слава тебе, Господи, что все обошлось», – вихрем пронеслось в голове мадам, и она уже хотела было согласиться с выбором сына, но в последний момент, заметив в лице бывшей холопки не привычную угодливость, а какую-то осознанную решительность, которая больше свойственна людям высшей касты, Варвара Петровна неожиданно для себя спросила:

– А вы, милочка, знаете, что род Баташовых – один из древнейших в России?

– Мадам, я хочу выйти замуж не за ваш род, а за любимого человека, – почтительно и в то же время резко ответила Дуняша.

– Как это ни печально, но вы, наверное, не понимаете сути высокородности. Я попытаюсь вам объяснить. Вы, наверное, заметили, что в нашей конюшне содержатся только породистые лошади. Так вот, если бы ветеринар, чисто случайно, скрестил породистого скакуна с деревенской кобылой, то родившиеся от этого жеребята уже не были бы такими породистыми, как их отец, и этот род вскоре пришел бы в упадок! А я не хочу, чтобы наш древний род пресекся из-за вас...

– Но, мадам, на дворе XX век, а вы все еще живете старыми понятиями. Погляньте вокруг, образованные люди з народу роблят открытия, изобретают небачени машины и даже самые сложные медични инструменты, – с отчаянием в голосе, мешая от волнения русские и малороссийские слова, воскликнула Дуняша. – Мне рассказывал об этом на курсах сестер милосердия профессор...

– Извольте не перебивать меня, – с негодованием промолвила Варвара Петровна, явно уязвленная тоном девушки, посмевшей ее осадить. – Ищите пару по себе! – добавила она, резко вставая. – Мне больше не о чем с вами говорить! – И, громко хлопнув дверью, вышла...

После ухода Варвары Петровны и Дуняши, в палате воцарилась звонкая тишина, было слышно даже, как в коридоре тикают напольные часы.

Отец и сын выжидающе смотрели друг на друга. Наконец Лиза, чтобы не мешать мужскому разговору, вышла в коридор.

– Что ты намерен предпринять, когда окончательно выздоровеешь? – прервал молчание Баташов-старший.

– О чем тамап может разговаривать с моей Дуняшей? – думая о чем-то своем, в свою очередь, спросил Аристарх, не обратив внимания на вопрос отца.

– Мало ли о чем могут говорить женщины, – неопределенно ответил Евгений Евграфович, – во всяком случае, не о погоде!

– Я боюсь, что тамап станет развивать свою любимую тему о дворянской породе...

– Вполне может быть, это ее любимый конек, – согласился генерал, – только я боюсь, что твоя невеста не поймет ее.

Услышав из уст отца слово «невеста», Аристарх облегченно вздохнул.

«Слава богу, – подумал он, – отец понимает меня лучше, чем тамап. И теперь мне не придется пускаться в болезненное объяснение моих чувств».

– И все-таки, что ты намерен предпринять, когда окончательно выздоровеешь? – повторил свой вопрос генерал. – Я успел побеседовать с твоим доктором, так вот, он заверил меня, что недели через две тебе будет предоставлен лечебный отпуск.

– Я знаю, рарá. Если ты не будешь против, то мы с Дуняшей хотели бы остановиться в имении...

– Ну, что же, если не хотите жить в Петрограде, отправляйтесь в имение, – согласился отец. – Тогда у меня к тебе будет просьба...

С этими словами, Евгений Евграфович подошел к столу с письменными принадлежностями, за которым раненные писали родным письма, взял чистый лист бумаги и быстро черкнул несколько слов. Потом вложил исписанный лист в конверт и, запечатав его, протянул Аристарху.

– Вот! Вскроешь, когда приедешь в имение, – глухо промолвил генерал и, проследив, как сын бережно вложит конверт в свою потрепанную офицерскую сумку, добавил: – В нем ты найдешь, возможно, то, чего тебе сейчас не хватает...

В это время с шумом распахнулась дверь, и в комнату влетела раскрасневшаяся Варвара Петровна.

– Ну, спасибо, сынок, за невестку, которая ни во что не ставит твою родную мать! – выпалила она, с надеждой оглядев мужа и сына. Не заметив в их лицах видимого согласия, разразилась слезами, надеясь хоть этим разжалобить Аристарха и вырвать у него обещание хотя бы повременить с женитьбой.

Мужчины начали неумело уговаривать ее успокоиться, но добились лишь обратного. Услышав рыдания матери, в комнату испуганно впрорхнула Лиза и, увидев заплаканную мать, тоже пустила слезу.

– Ну вот, теперь вы точно залете слезами не только эту палату, но и весь дворец, – с деланой бодростью в голосе промолвил генерал и, вытащив из кармана носовой платок, начал по очереди осушать слезы на глазах рыдающих женщин.

Аристарх тоже хотел хоть как-то успокоить мать и сестру, но ни его уговоры, ни увещевания не помогали. Женщины ждали, что под напором их слез он наконец-то сдастся и покорится родительской воле. Но Аристарх был непоколебим. Это стало очевидно, когда он, увидев через распахнутые двери Дуняшу, спешно прошмыгнувшую мимо палаты, забыл обо всем на свете и кинулся вслед за девушкой.

Вскоре из коридора послышался его приглушенный ласковый басок, которым он уже давно не говорил ни с матерью, ни с сестрой. Дуняша отвечала ему довольно резко, но, несмотря на это, голос Аристарха оставался просительным, терпеливым и ласковым. Вскоре их голоса замерли в конце коридора, выходящего в парк.

– Ну что мать, – с сожалением промолвил генерал, видя, как супруга, забыв про слезы, прислушивается к разговору, затихающему в коридоре, – тебе не кажется, что своим катего-

рическим принятием его, мне кажется, достаточно обдуманного решения взять в жены эту девушку, мы можем потерять сына? Ведь он не простит нам этого.

– Я не дам ему своего родительского благословения! – категорически заявила Варвара Петровна. – А без этого его не венчают.

Она подошла к трюмо, резким движением руки поправила шляпку и выбившиеся из-под нее локоны и, подозрительно взглянув на генерала, вызывающе промолвила:

– Мы еще посмотрим, на чьей улице будет праздник. – И, подхватив стоявшую в нерешительности Лизу под руку, добавила, направляясь к двери: – Идемте отсюда, нам здесь делать больше нечего!

2

На Царскосельском вокзале было необычно для военного временилюдно. В ожидании поезда по перрону взад и вперед сновали офицеры, большинство из которых были в полевой форме. Среди них особо выделялись обер-офицеры и генералы при параде. Некоторые из них гордо выпячивали грудь, на которой переливался белой эмалью и золотом только-только с Императорского монетного двора орден, а кто-то всячески изощрялся для того, чтобы в глаза многочисленной военной публики попались их новенькие, шитые золотом погоны. К счастливым группами и поодиночке подходили фронтовики, искренне поздравляли кавалеров и новоявленных военачальников, а затем провожали их завистливыми взглядами.

«Господа офицеры явно были на торжественном приеме у императора», – догадался Баташов и огляделся вокруг, ища знакомые лица. Не найдя в этой многоликой толпе сослуживцев, он, дождавшись, когда подойдет поезд, сопровождал супругу и дочь в купе вагона первого класса. Женщины, быстро расположившись там и не обращая на него внимания, продолжили довольно бурно обсуждать поведение Аристарха. Чтобы им не мешать, он в ожидании отправления состава решил еще раз прогуляться по перрону. В тесном коридорчике Баташов нос к носу столкнулся с одним из «парадных» генералов.

– Ба! Да это же не кто иной, как Евгений Евграфович собственной персоной, – радостно воскликнул военный.

– Константин Павлович, дорогой, уж где-где, а здесь, я никак не ожидал вас встретить. Скажу откровенно, что через неделю, по окончании моей командировки, я непременно планировал навестить вас в Петрограде. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает!

– Вы знаете, мой богатый жизненный опыт подсказывает, что случайных встреч не бывает, ибо все предопределено свыше, – радостно промолвил генерал Пустошин, обнимая старого боевого друга. – Если бы мы не столкнулись здесь, то через неделю, в столице, вы бы меня уже точно не застали. Второго дня выезжаю к месту формирования моей кавалерийской дивизии...

– Значит, вас можно поздравить с назначением на должность командира дивизии! – радостно воскликнул Баташов. – А как же ваш славный гвардейский полк?

– От полка почти ничего не осталось, – глухо промолвил генерал. – Я потерял в Карпатах почти половину нижних чинов и треть офицерского состава. Вот так-то...

– Да-а, дорого мы заплатили за Галицию, а еще больше за Карпаты...

– Я слышал, что ваш сын был ранен и пленен там австрийцами, – сочувственно промолвил Пустошин. – И что с ним теперь?

– Он совершил побег, – радостно объявил Баташов, – я сам его сегодня впервые увидел. Его в бессознательном состоянии на военно-санитарном поезде великой княгини Ольги Александровны доставили в Царское Село, в лазарет...

– Слава тебе, Господи! – истово перекрестился Пустошин. – И как он?

– Поправляется, правда, хромает немного. А ведь еще несколько месяцев назад доктора, не надеясь на чудо, хотели ему раненую ногу напрочь отнять.

– Что же случилось? Неужели произошло чудо?

– Вы же прекрасно знаете, что чудес на свете не бывает. Просто молодой организм поборол болезнь, ну и еще кое-что... – загадочно улыбнулся Баташов.

– Здесь явно не обошлось без *le mir*, – уверенно воскликнул Пустошин. – Пока вы не расскажете об этом в подробностях, я вас не оставляю. Прошу в мое купе, у меня есть чем вас подбодрить.

– Благодарю. Я только предупрежу супругу.

– Как, ваша благоверная тоже здесь? Прошу вас представить меня вашей дражайшей половине, – приказным тоном промолвил Пустошин, лихо закручивая свои кавалергардские усы.

– Варвара Петровна, Лизонька, – торжественно объявил Баташов, входя в купе. – Разрешите познакомить вас с моим старинным другом и наставником...

– Честь имею представиться, Константин Павлович Пустошин, – опередил Баташова гость и галантно раскланялся. – Прошу прощения за столь неожиданный визит.

– Как же, как же! – нисколько не удивившись появлению Пустошина, воскликнула Варвара Петровна, протягивая руку для поцелуя. – Евгений Евграфович не раз рассказывал мне о вашей совместной службе на Восточной окраине Российской империи. Искренне рада видеть вас в этой красивой форме. Как ни просила, но так и не смогла уговорить моего генерала, чтобы он тоже облачился в свой парадный мундир...

– Ну что вы, матушка, – смутился Баташов, – мне привычней в полевой. Война же, не до парадов...

– Мне тоже привычнее гимнастерка, – словно оправдываясь, промолвил «парадный» генерал, – вот пришлось приодеться по случаю приема у Его Величества.

– Ой! – почти одновременно всплеснули руками мать и дочь.

– Неужели вы только, что видели самого императора? – восторженно спросила Варвара Петровна.

– Конечно, мадам! До сих пор чувствую теплоту и силу его дружеского рукопожатия...

– А Ее Величество Александра Федоровна на церемонии присутствовала? – полюбопытствовала Лиза и смущенно уткнулась раскрасневшимся личиком в плечо матери.

– Непременно, мадемуазель, – промолвил, улыбнувшись, Пустошин. – Лицо ее было строгим и несколько бледноватым...

– А платье, а украшения? – нетерпеливо перебила девушка такого непонятливого генерала.

– Украшения я не заметил, – виновато улыбнулся гость, – а платье... На ней было простое серенькое платье...

– А во что были одеты ее фрейлины? – продолжала настойчиво допрашивать генерала Лиза, смущенно выглядывая из-за плеча матери.

– Ну что ты, душа моя, пытаешь нашего гостя? – назидательно промолвила Варвара Петровна. – Ты должна знать, что мужчины слишком редко обращают внимание на наряды.

Видя, что женщины своими явно неуместными вопросами могут поставить боевого друга в тупик, Баташов объявил:

– Прошу прощения, Варвара Петровна, Лизонька, но нам необходимо переговорить с генералом по очень важному делу.

– Мадам, мадемуазель, – раскланялся Пустошин, – прошу меня извинить за то, что не могу составить вам приятную компанию, ибо нас с Евгением Евграфовичем ждут неотложные дела. Честь имею!

– Слава богу, что вы догадались увести меня из-под этого неожиданного «флангового обстрела», – радостно воскликнул генерал, как только закрылась дверь купе. – Право слово, я и не знал, что вашей дочери ответить. У меня просто не было времени рассматривать наряды императорской свиты. Все мое внимание было приковано к государю. С тех пор как я последний раз видел его на Варшавском вокзале во время проводов на фронт гвардейского полка его имени, он сильно сдал...

Сказав это, Пустошин бросил подозрительный взгляд вдоль пустующего коридора и продолжил разговор, только когда они вошли в купе и он плотно затворил за собой дверь.

– ... Император предстал перед нами в полевой форме полковника лейб-гвардии Конного полка и сразу же направился ко мне. Поздравил с новым назначением, спросил о здоро-

вье, семье и, к моему глубокому удивлению, ни словом не обмолвился о судьбе моего полка. А ведь мне было, о чем сказать... Мои гвардейцы дрались, как львы, и, если бы не просчеты высшего командования и нехватка боеприпасов, то мы бы, в конце концов, выбили австрийцев с перевала и вышли бы в долину, на оперативный простор. Не знаю, о чем думали в Ставке, когда отправляли кавалерию на штурм Карпат... Не дело конников воевать в горных теснинах, только на равнине конная лава может быть победоносной. – Пустошин в сердцах удрученно махнул рукой и, раскрыв чемоданчик, который ему перед самой отправкой поезда занес денщик, вытащил оттуда бутылку шутовского коньяка, поставил ее на столик, потом вынул пару серебряных рюмок и бумажный пакет, из которого выложил на салфетку тонко нарезанное салями.

– Выпьем за упокой души моих героев-конников, офицеров и нижних чинов, павших в бою, – глухо промолвил он, разливая по рюмкам коньяк.

– Да будет царствие небесное воинам, погибшим за Отечество, – поддержал трагический тост Баташов.

– Вы понимаете, Евгений Евграфович, что он ни единым словом не обмолвился о гибели почти целого гвардейского полка, шефом которого состоял, – с горечью в голосе воскликнул Пустошин, – а мы все так его любили!

– Война... – удрученно промолвил Баташов. – Кто знает, что будет с каждым из нас завтра, через неделю, через месяц, и тем более, через год. Одному Богу известно, сколько еще жизней будет положено на алтарь победы.

– Вы наивный человек, если все еще думаете о победе русского оружия. В Ставке этому уже не верит никто, обвиняя во всех смертных грехах царскую семью, – со знанием дела сообщил Пустошин. – Скажу больше: в верхах зреет заговор против императора. Я недавно из Барановичей и знаю не понаслышке, что в последнее время туда зачастили «гости» из Государственной думы и различных «общественных» союзов, которые распространяют среди офицеров ложные слухи о том, что государь – слабый, ничтожный, пустой человек, ничего не понимающий в военном деле, что России нужна твердая рука, чтобы навести порядок не только на фронте, но и в тылу...

– Если бы я вас не знал как истинного патриота и монархиста, то непременно бы принял ваши слова за провокацию и ложь, – недоверчиво покосившись на собеседника, промолвил Баташов. – Неужели у вас есть этому веские доказательства? А если так, то почему вы до сих пор не проинформировали об этом Верховного главнокомандующего?

– Но Николай Николаевич и есть самый главный недруг государя императора!

– Вы отдаете себе отчет о том, что говорите?

– Вполне... Поймите и это и вы. Ведь на наших глазах только в нынешнем году произошло столько трагических для русской армии событий, напрямую связанных с нерешительными, я бы сказал, предательскими действиями Верховного, что Ставке ничего не остается, как только объяснить все это диверсиями агентов противника, повальным шпионством местечковых евреев, а также отдельных предателей-военных. Не обвинять же во всем бездарных генералов, которых поставил на армии и фронты великий знаток военного дела и генеральских душ, любимец армии, дядя царя, великий князь Николай Николаевич... Это он после потери армии Самсонова сменил бездарного Жилинского на самолично присвоившего лавры покорителя Галиции нерешительного и болезненного Рузского, который стал издавать приказы, проникнутые безнадежным пессимизмом, если еще не хуже – пораженчеством. Не мне вам рассказывать о том, что под Лодзью от полного разгрома войска Северо-Западного фронта спасла лишь стойкость войск и энергия штаба Пятой армии, возглавляемой генералом Плеве. Это он, на свой страх и риск, не только заставил немцев драпать, но и имел все возможности преследовать их до полного разгрома, но ваш явно растерявшийся командующий запретил ему наступать, и в этом его поддержал не кто иной, как Верховный. Эти два великих военачальника, по

сути дела, способствовали гибели в Августовских лесах Двадцатого корпуса и беспрепятственному отходу окруженной германской армии. По своему опыту скажу вам, что наши победы были победами батальонных и полковых командиров, а наши поражения были поражениями главнокомандующих. Так кто, скажите мне, является главными виновниками наших военных неудач?

Вопрос повис в воздухе, потому что Баташов не знал, что на него ответить. Он и сам в глубине души не доверял в полной мере Рузскому, считая его недальновидным и излишне осторожным, недолюбливал Верховного, который последнее время, особенно после провала Лодзинской операции, почти не выходил из своего вагона, предав все бразды правления начальнику штаба Янушкевичу. Тот, в свою очередь, полностью полагался на Данилова, который всегда мнил себя великим полководцем, но не справлялся даже со своей основной обязанностью – генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандования. Баташов по себе знал, что разведка и контрразведка армий и фронтов действуют разрозненно именно по причине того, что Данилов так и не смог наладить между КРО и штабами четкого и эффективного взаимодействия. Но, даже зная обо всем этом, он и мысли не допускал о том, что Верховный не только не любит своего племянника, но и способствует его дискредитации.

– Воистину, какой поп, такой и приход, – продолжал возмущенно Пустошин, – да по-другому и быть не может... Только в окружении льстецов и ординарных исполнителей с генеральскими эполетами на плечах Николаша выделяется не только своей статью, но и своими «выдающимися полководческими талантами», – с горькой иронией в голосе промолвил он и изучающе взглянул на Баташова.

Не заметив у него никакой реакции на то, что он назвал Верховного Николашей, Пустошин продолжал:

– Я имел честь беседовать с Брусиловым – истинным покорителем Галиции, который мне прямо заявил, что еще в 1914 году мы могли войти в Вену – победителями, тем самым исключив австро-венгерскую армию со счетов войны. Но именно из-за нерешительности великого князя и Ставки мы упустили такую возможность и теперь пожинаем плоды этого недальновидного руководства. Зная о готовящемся наступлении немцев на Лодзь и далее на Варшаву, Ставка продолжала планировать глубокие удары не только в Восточной Пруссии, но и в Карпатах. Вы прекрасно знаете, что из этого получилось... Упоенный локальными, временными успехами на фронте, Николаша даже не стал рассматривать предложение Его Величества, который рекомендовал Ставке в ходе военной кампании 1915 года нанести решающий удар по Австро-Венгрии и Турции, проведя одновременно десантную морскую операцию с целью захвата черноморских проливов. Сегодня я могу с полной уверенностью сказать, что если бы Верховный не манкировал это достаточно дальновидное предложение государя императора, то ход войны мог бы быть совершенно иным...

– Но вы же знаете, что недавняя попытка наших союзников десантироваться в Турции не увенчалась успехом, – промолвил Баташов. – Насколько я знаю, потери при штурме турецких фортов составили более двадцати тысяч человек убитыми...

– Мне известно мнение Его Величества на этот счет. Государь прямо заявил, что желание союзников опередить нас при захвате проливов не позволило им как следует подготовиться к операции, и, как результат этого – почти полный разгром экспедиционного корпуса... И, чтобы не повторять стратегических ошибок союзников, Его Величество уже не рекомендовал, а приказал Николаше учесть горький опыт союзников при подготовке предстоящей в следующем году Босфорской десантной операции. С этой целью из отборных частей уже началось формирование дивизии. Но, насколько я знаю, Николаша, ссылаясь на нехватку войск, и теперь всячески тормозит этот процесс, то и дело «вставляет палки в колеса»...

– И как долго может продолжаться это противостояние? – возмущенно спросил Баташов. – Неужели государь император не может урезонить своего зарвавшегося дядю?

– Мне достоверно известно о том, что в последний свой приезд в Ставку, государь император как следует отчитал его за прежние упущения и, главное, за прорыв фронта под Горлицей. Верховный начал слезно оправдываться, обвиняя во всех смертных грехах не только Сухомлинова, не в полной мере снабжавшего фронт, но и некоторых членов императорской фамилии, ответственных за поставку в войска оружия и боеприпасов...

– Но ужели он мог себе такое позволить в присутствии Его Величества? – недоверчиво воскликнул Баташов.

– Чтобы сохранить свою единоличную власть над армией, позволял, Евгений Евграфович, и уже неоднократно... И на этот раз государь император простил своего дядю. А ведь он, и только он со своим штабом, был виноват в том, что с самого начала военной кампании русские войска начали терпеть поражение за поражением, а добытые большой кровью победы он и его штаб своей нерешительностью и неадаптивностью превращали в заурядные бои с огромными потерями. И я нисколько не удивлюсь, если к лету мы потеряем не только Галицию, но и западную часть Царства Польского, вместе с Варшавой. Чтобы хоть как-то оправдать прежние и будущие поражения русской армии, наши бездари в генеральских эполетах ничего более умного не придумали, как заняться поисками козла отпущения. Так и не научившись грамотно воевать, они запричитали о нехватке винтовок, пушек и снарядов, выдавая это за главную причину поражений. Николаша первым стал кричать: «Снарядов! Патронов! Винтовок! Пушек! Сапог!» – и натравливать армию и общество на своего личного врага – военного министра. Нападает на Сухомлинова, а грязь летит и в помазанника Божьего, и в Россию. Мало того, чтобы хоть как-то оправдаться перед государем императором за последние свои неудачи, великий князь раздувает шпиономанию, недавно он, вопреки решению военно-полевого суда, приказал казнить невиновного...

– Вы имеете в виду полковника Мясоедова? – спросил недоуменно Баташов. – Но я вел это дело и могу с определенностью сказать, что подозрения в шпионстве Мясоедова не беспочвенны...

– Вы вели это дело? – удивленно воскликнул Пустошин. – И к какому же выводу пришли?

– Этот офицер виновен в контрабанде, мздоимстве и, возможно, в предательстве...

– Вы можете мне откровенно сказать, положи руку на сердце, что Мясоедов – немецкий шпион и повинен в гибели Двадцатого армейского корпуса?

– Такого рода нечистоплотный офицер мог быть завербован германской разведкой... – неуверенно промолвил Баташов.

– Но прямые доказательства его связи с немцами у вас были?

– Нет... Только косвенные, – откровенно признался контрразведчик. – Об этом я и доложил Рузскому. Тогда он передал все дела генералу Бонч-Бруевичу, а меня отправил в длительную командировку, где я и узнал о казни Мясоедова...

– А вы знаете, что военно-полевой суд отказался рассматривать дело об измене за недоказанностью и голословностью обвинения?..

– О том, что все три состава суда отказались признать измену полковника, я узнал уже здесь, в Петрограде, – ответил Баташов.

– И тогда Николаша взял дело в свои руки, – уверенно продолжал Пустошин, – и повел его сам с помощью небезызвестного депутата Государственной думы Гучкова. Лидер Октябристов самолично редактировал обвинительное заключение, на основании которого, по приказу Верховного, полковника Мясоедова повесили...

– Значит, Гучков все-таки отомстил своему недругу Мясоедову за пощечину? – глухо промолвил Баташов.

– Да! И самым коварным образом. А заодно послужил и отменным орудием в руках Николаши в борьбе с неугодным ему военным министром. Теперь понимаете, что сейчас творится в Ставке?

– Умом понимаю, а сердцем, душой, не приемлю, – удрученно промолвил Баташов. – Как такое могло случиться? Кто в этом виноват? И что прикажете в этом случае делать?

– Ох уж эти извечные неразрешимые вопросы русских либералов, которые вместо того чтобы сплотить нацию, наоборот, ее разобщают... Только для нас – офицеров, здесь не должно быть никакой неясности, потому что мы принимали присягу на верность Богу, Царю и Отечеству...

– Да! Вы правы! – убежденно произнес Баташов. – В эти нелегкие для страны времена всем истинным патриотам России необходимо сплотиться вокруг императорской фамилии и, главное, необходимо уведомить Его Величество о грозящей опасности...

– Кстати, об императорской фамилии... Я не сказал вам самого главного, – перебил его искренний и восторженный порыв Пустошин. – Недавно я узнал от одного своего приятеля, служащего в Министерстве внутренних дел, лица, заслуживающего моего полного доверия, что великая княгиня Мария Павловна-старшая, не стесняется при посторонних говорить, что нужно непременно убрать немку императрицу, которая тайно переправляет кайзеру известные ей от государя сведения, а великий князь Николай Михайлович в своих разговорах в клубах и у знакомых открыто критикует все исходящее из Царского Села, в первую очередь все, что связывает царскую семью с Распутиным. И, что самое удивительное, государь император об этом знает, но никаких ответных действий не предпринимает...

Пораженный услышанным Баташов молча смотрел в окно. В его голове лихорадочно металась самые противоположные мысли. Пытаясь сосредоточиться на главном, он сжал ладонями голову и рассеянным взглядом следил за проплывающими вдали идиллическими лесными и деревенскими пейзажами.

Поезд на всех парах мчался навстречу серому и мрачному Петрограду. Показались разномастные дома и заводские корпуса столичного предместья. Глядя на проплывающие мимо дымящие трубы, Баташов неожиданно для себя подумал:

«Как хорошо рабочим, которые куят оружие для армии, не задумываясь ни о чем. Каждый из них знает свое дело. Один вытачивает ствол винтовки, другой мастерит деревянный приклад, третий ладит затвор и так далее... Все занимаются знакомым делом, прекрасно понимая, что чем больше винтовок они смастерят, тем быстрее русская армия победит проклятого немца. А что будет, если они узнают, что их винтовки из-за головотяпства чиновников из военного ведомства вовремя не попадут в руки солдат, что патроны и боеприпасы, уже по причине постоянной неразберихи в войсках, попадают не по назначению и зачастую оказываются в руках наступающего противника, что, наконец, даже хорошо вооруженные и обеспеченные боеприпасами солдаты по причине безголовости своих военачальников гибнут тысячами, тщетно пытаясь остановить врага? Что сделают многие тысячи рабочих, если все это узнают? Страшно даже представить... Десять лет назад менее значительные причины всколыхнули забастовками и стачками всю страну. А если учесть то, что враг тоже не дремлет, направляя на заводы и фабрики своих агентов, подкидывая в мастерские свои листовки, в которых прямо призывает к революции... И что говорить о безграмотных рабочих, если в среде офицерской касты все чаще и чаще слышны голоса недовольства в адрес не только правительства, но и самого царя-батюшки? И что самое страшное, многое из того, что вызывает возмущение не только офицеров, но и общества, имеет место быть...»

– Подъезжаем, – оторвал Баташова от мрачных мыслей хозяин купе. – Предлагаю выпить на посошок.

Пустошин выплеснул в стаканы остатки коньяка и залпом выпил. Баташов последовал его примеру.

– Что вы обо всем этом, Евгений Евграфович, думаете? – окинув пронизательным взглядом своего старинного друга, спросил Пустошин.

– Если мы хотим сохранить Россию и победить в этой войне, необходимо оградить и защитить Богом данного государя императора от всех нападков и заговоров, – уверенно промолвил Баташов, – иначе Третий Рим окажется размолотым в пух и прах неумолимым колесом истории. Удар по царю – это смертельный удар по каждому из нас...

– Я полностью с вами согласен, – задумчиво кивнул Пустошин. – Чтобы предотвратить заговор, направленный против государя, необходимо уничтожить его в зародыше. Другого пути не дано...

– Вы считаете, что Николашу надо убрать?

– Другого пути я не вижу.

– Но кем же его заменить?

– Да хотя бы самим государем императором!

– Но, если не считать Петра Великого, история наша подобных прецедентов не ведает, – явно ошарашенный этим необычным ответом задумчиво промолвил Баташов.

– Кто-то из стихотворцев прошлого века написал умные слова: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...»

– «У ней особенная стать – в Россию можно только верить!» – продолжил Баташов. – Это слова Федора Тютчева, известного российского поэта.

– Возможно, вы правы. Но не это сейчас самое главное... Строками этого пиита я хотел сказать, что Россия всегда шла своим путем, не оборачиваясь ни на Восток, ни на Запад. Вот и эту войну мы начали не совсем так, как наши союзники. Любая военная кампания прежде всего ставит вопрос о разделе сфер влияния в стране между гражданской и военной администрацией. В европейских государствах эта коллизия разрешается просто, с помощью наделения главы государства полномочиями Верховного главнокомандующего, со всеми вытекающими отсюда последствиями. У нас же с давних пор повелось так, что Верховный главнокомандующий назначается императором в период начала боевых действий. Именно поэтому вопрос о разделе сфер влияния между гражданскими и военными властями стал во многом причиной конфликта между Николашей и непосредственным придворным окружением государя императора. Ставка не только в полной мере использовала свои чрезвычайные полномочия на фронте и в прифронтовой полосе, но и позволила себе диктаторские замашки. Назначив Николашу Верховным, государь тем самым, «де-факто», как бы сложил с себя верховное управление армией и флотом, что было недопустимо. Ведь верховный вождь должен оставаться таковым...

– Но император не захотел вступать в начале войны в непосредственное командование, – перебил генерала Баташов.

– Ежели государь не хотел сразу вступать в непосредственное командование, то Николаше следовало бы дать звание главнокомандующего, а самому оставаться Верховным главнокомандующим, – ответил Пустошин, – и тогда он запросто, без излишнего шума, как верховный вождь, с приездом в штаб принял бы все управление в свои руки, а в случае надобности, просто сменил бы главнокомандующего.

– О, Господи! – воскликнул Баташов. – Тогда, в самом начале войны, в патриотическом угаре, никто просто не обратил на это внимания... Уж слишком долг был путь к прозрению, – после небольшой паузы добавил он. – Как же теперь государь без нежелательных для страны последствий сможет устранить Николашу?

– Теперь это дело непростое... Ведь Николаю Александровичу придется самому вступать в должность своего же подчиненного. Пожалуй, в настоящее время просто невозможно без широкой огласки привести все в нормальное состояние. Необходимо, прежде всего, уничтожить титул Верховного, изменить в церквах ектению. Кроме этого придется напомнить народу, что в высочайшем рескрипте сказано: «...Великому князю Николаю Николаевичу вверяется верховное командование армией и флотом, доколе Государь сам не примет это командование»...

– Но кто же подвигнет государя императора на этот нелегкий, но спасительный для армии и Отечества шаг? – спросил Баташов.

– Я знаю человека, который всеми фибрами души ненавидит Николашу, спит и видит, как отрешить его от Ставки.

– Кто же это?

– Александра Федоровна!

– Не может быть... За что же императрица его так ненавидит?

– Причин немало. Прежде всего она боится того, что Верховный с помощью армии и своих сподвижников – великих князей, узурпирует власть, которую в дальнейшем передаст по наследству своим отпрыскам. А ради детей любая мать готова на все. Кроме того, на просьбу Александры Федоровны принять Распутина Николаша прямо ответил, что если увидит старца в Ставке, то повесит его на первом же суку, чем нанес ей страшное оскорбление. Вы же знаете, что для нее этот старец – первый советник и главный лекарь цесаревича Алексея... Императрица уже давно бы расправилась с Верховным, если бы у нее были веские доказательства его подковерных игр.

– Я еще не вполне уверен, но считаю, что в первую очередь нам необходимо создать доказательную базу заговора, чтобы потом, опираясь на истинных друзей и сподвижников государя, вывести на чистую воду клятвопреступников и в самом зародыше уничтожить измену и предательство. Другой вопрос, как это делать? Путей много, ограничивают только возможности...

– Да, нелегкое это дело! – воскликнул Пустошин. – Ведь существо измены и предательства трудно определить, потому что они кроются зачастую в самых потаенных уголках человеческих душ. Да и цена предательства разных людей – разная.

– Вы правы. Предатель – предателю рознь! Если на поле боя дрогнет простой солдат и повернет спину неприятелю – это еще не беда. Энергия и воля командиров привлекут новые силы, новых бойцов. Враг будет остановлен. Но если предатель – сам командир, горе тем солдатам, над которыми он начальствует. А если предатель – командует армией? Катастрофа неизбежна. Сражение будет проиграно – позор армии, бедствие народу, гибель Отечеству. Вот цена предательства великих князей, которая несоизмерима с виной остальных вольных или невольных участников заговора. Великие князья – командиры армий в прямом и переносном смысле, вожди народа, первая и самая могучая государственная опора русского царя. И вот эти-то опоры рушатся. Можно ли удержать от падения все здание? Тем более, что отовсюду, в том числе и нашими союзниками, прилагались и прилагаются мощные усилия, для того чтобы повергнуть православную Россию в прах.

Глава IV

Западный фронт

Март – апрель 1915 года

1

По приезде с Восточного фронта в Берлин шеф германской разведки подполковник Вальтер Николаи лично занялся делом графини Васильчиковой, фрейлины двора Ее Императорского Величества Александры Федоровны. Прежде всего он, по согласованию с полковником Ронге, шефом австро-венгерской разведки, под предлогом встречи графини со своим родственником, находящимся в германском плену, организовал выезд Васильчиковой из венского предместья в германскую столицу. Николаи поселил ее в роскошном пригородном доме, окруженном парком, под охраной бдительных садовников.

Спешно прибывшая в Берлин на встречу со своим племянником штабс-капитаном Волконским графиня была удивлена, когда вместо дорогого племянника перед ней предстал незнакомый офицер германской армии.

– Подполковник германского Генерального штаба Вальтер Николаи, – представился он. – Это я вызвал вас в Берлин.

– Но я приехала с тем, чтобы повидаться со своим родственником, находящимся у вас в плену, – недоуменно воскликнула женщина.

– Всеу свое время, – неопределенно промолвил Николаи, – как говорят русские, будет вам и скрипка, будет и смычек! Прежде чем вы встретитесь со своим племянником, я хотел бы поговорить с вами на интересующую нас обоих тему.

– Мне не о чем с вами говорить, – категорично заявила Васильчикова. – Я подданная Российской империи, и прошу вас это учесть.

– Никто не собирается агитировать вас против вашего Отечества, – ровным тоном продолжал подполковник, – напротив, мы бы хотели, чтобы вы выступили вестником мира между нашими великими народами.

– Вы, офицер Генерального штаба германской армии, говорите мне о мире, когда ваша армия захватила уже половину Польши, грабит православные церкви и уничтожает священников, когда в ваших лагерях военнопленных умирают от голода и лишений тысячи русских солдат и офицеров? – возмущенно воскликнула графиня.

– И тем ни менее я повторяю, что мы хотели бы видеть вас в роли миротворца. Я прекрасно знаю, что мира хотят не только в России, но и в Германии.

Васильчикова подозрительно взглянула на подполковника. Не найдя у него на лице ни тени насмешки, она неуверенно промолвила:

– А почему для этой цели вы выбрали именно меня?

– Этому есть множество причин, и главная из них та, что вы являетесь не просто фрейлиной императорского двора, но и статс-дамой. У вас при дворе много близких знакомых и друзей, которые всегда могут поддержать вас в вашей важной и нелегкой миссии. Кроме этого, вы сами говорили о своем искреннем желании приложить все усилия с тем, чтобы закончилась война.

Графиня удивленно и испуганно взглянула Николаи.

– Не буду скрывать от вас, мадам, – окинул ее проницательным взглядом подполковник, – мы перлюстрируем всю переписку с заграницей, и вашу в том числе.

– Но это же неприлично, читать чужие письма!

– Я понимаю, мадам, но идет война, и мы должны знать о настроении людей, живущих не только в Германии, но и в Австро-Венгрии. Скажу больше: несколько ваших писем в адрес императорского двора, перед тем как попасть в Россию, побывали у меня в руках. И я был искренне удивлен вашим искренним желанием сделать все, чтобы прекратить эту страшную войну...

– Я и сейчас готова сказать, что всегда была против войны между нашими странами, – откровенно призналась Васильчикова, – но каким образом я смогу стать вестником мира?

– Вы согласны выполнить миротворческую миссию? – не отвечая на заданный вопрос, спросил Николай.

– Согласна! – твердо ответила графиня. – Но имейте в виду, что я не потерплю никаких неясностей с вашей стороны. Я должна точно знать, кто именно предлагает России мир и на каких условиях.

– Вот это уже деловой разговор, – обрадованно промолвил Николай, – я постараюсь организовать вам встречу с министром иностранных дел Германии Яговым. Это вас устроит?

– Устроит, – согласилась Васильчикова, – только не пытайтесь свести меня с кем-то другим. Я прекрасно знаю вашего министра еще по довоенной встрече российского императора и императрицы с кайзером в Киле.

– Ну что вы, мадам! – делано обиделся подполковник. – Ведь у нас самые серьезные намерения.

– Прежде чем встречаться с премьером, я бы хотела узнать от вас, что, по-вашему, Германия может предложить России в обмен на мир? – деловым тоном произнесла графиня. – Я готова вас выслушать.

– Прежде всего, я хочу, чтобы вы знали, что никто в Германии и Австрии не испытывает ненависти к России, – убежденно промолвил Николай, – величайшую ненависть немцы испытывают только к Англии. Подавляющее большинство немцев и австрийцев мечтают заключить с Россией прочный мир и создать «союз трех императоров». В этом союзе российскому императору будет предоставлена полная свобода действий в отношении Константинополя и черноморских проливов. А об остальном вам расскажет шеф нашего внешнеполитического ведомства Ягов...

Во время аудиенции, которая состоялась на следующий день, германский министр иностранных дел Готлиб фон Ягов в разговоре с Васильчиковой был краток.

– Я искренне рад, что именно вы согласились осуществить эту нелегкую миротворческую миссию, – сухим дипломатическим языком начал он, обращаясь к графине, – вы, близко зная императрицу, имеете возможность донести до нее, что Германия не хочет войны с вашей страной, что сегодня Россия больше всего должна страшиться своих союзников, которые, сговорившись за ее спиной, затевают тайный заговор. У меня есть достоверные сведения о том, что Англия, несмотря на все ее обещания, решила не отдавать России Константинополь и проливы и, по нашему мнению, после войны намеревается предложить Турции использовать ее силы против России... Германия предпочитает заключить с Россией мир, потому что нуждается в сильной монархической России, – сказал в заключение премьер, – и потому уверена, что две царствующие династии должны поддерживать старые монархические и дружеские связи... В Германии считают, что продолжение войны опасно для династии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.